A 134/208

УЛОЖЕНІЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА
И
ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1648-1649 ГОДА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5-го ноября 1879 г.,

доцентомъ Университета,

докторомъ государственнаго права

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.
Въ университетской типографіи.
1879.

2007111253

А 208

УЛОЖЕНІЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА
И
ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1648-1649 ГОДА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета. 5-го ноября 1879 г., доцентомъ Университета,

ДОКТОРОМЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНСКАЯ * БИБЛІОТЕКА М. П. М.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, печатать дозволяется. Казань, 17 октября 1879 года.

Секретарь Совѣта *Н. Фастрицкій.*

99

Мм. Гг.

1648 годъ—останется навсегда годомъ, въ высшей степени знаменательнымъ въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства. Этотъ годъ—является рубежемъ, отграничивающимъ древнее и новое законодательство наше. Во второй половинѣ этого года совершилось на Москвѣ великое *„государево и земское дѣло“*—составлено было Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, важнѣйшій законодательный памятникъ Московской Руси. Изданіе Уложенія представляется событіемъ первостепенной важности не только для современной ему юридической жизни, но и для позднѣйшаго развитія русскаго законодательства, являясь, если можно такъ выразиться—концомъ древняго и началомъ новаго законодательства русскаго; величайшій знатокъ духа историческаго развитія нашего юридическаго быта, покойный профессоръ Московскаго Университета, *И. Д. Бѣляевъ*, не безъ основанія начиналъ съ Уложенія курсъ новаго періода исторіи русскаго права. Въ Уложеніи, какъ въ оптическомъ фокусѣ, соединились итоги предшествовавшаго ему законодательства;

въ этомъ памятникѣ послѣднее обновилось, будучи, съ одной стороны, дополнено и видоизмѣнено, сообразно съ измѣнившимися условіями жизни, а съ другой стороны — освобождено отъ излишняго баласта, накопившагося въ теченіи столѣтія, истекшаго со времени изданія Судебника царя Іоанна IV-го. Въ Уложеніи царя Алексѣя древнія начала русскаго права были переданы въ наслѣдіе временамъ позднѣйшимъ. Вамъ конечно извѣстно, Мм. Гг., что Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича продолжало лежать краеугольнымъ камнемъ въ основѣ русскаго законодательства до самаго изданія Свода Законовъ и, въ качествѣ законодательства дѣйствующаго, напечатано во главѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи; отсюда, отдѣльными статьями своими (за исключеніемъ конечно утратившихъ уже практическое значеніе),—оно разсѣялось по различнымъ томамъ Свода Законовъ.

Ясно, что исторія составленія и изданія столь важнаго законодательнаго памятника не могла не останавливать на себѣ вниманія русскихъ историковъ юристовъ. И дѣйствительно, съ легкой руки покойнаго *Строева*, еще въ 1833 году издавшаго въ свѣтъ извѣстное свое „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ“ — вопросъ этотъ въ теченіи послѣдующихъ 46 лѣтъ не переставалъ интересовать дѣятелей русской историко-юридической науки (¹).

(¹) Укажемъ сочиненія, посвященныя изслѣдованію интересующаго насъ вопроса: «Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича (Московскій Телеграфъ 1834 г., № 7)»; упомянутое сейчасъ изслѣдованіе *Строева*; *Г. З.*: «Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича (Спб. 1834)»; *Морошки-*

Имѣя въ текущемъ году высоко-лестное для меня порученіе нашего Университета занять Ваше вниманіе на годичномъ торжествѣ его—я избираю предметомъ моей настоящей бесѣды съ Вами именно одинъ изъ вопросовъ, касающихся исторіи составленія и изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. У весьма многихъ изъ Васъ, Мм. Гг., хотя бы и отчасти только знакомыхъ съ литературою исторіи русскаго права, легко можетъ возникнуть въ мысляхъ вопросъ: можетъ ли избранный мною предметъ служить темою новаго историческаго разслѣдованія, такъ какъ, какъ только что было указано, вопросъ о составленіи и изданіи Уложенія уже 46 лѣтъ занимаетъ русскихъ историковъ-юристовъ? Само собою разумѣется, что въ томъ случаѣ, если бы вопросъ объ исторіи изданія Уложенія былъ совершенно исчерпанъ и выясненъ предшествовавшей литературою, —мнѣ ничего не оставалось бы болѣе, какъ избрать для своей рѣчи другую тему. Къ сожалѣнію сказать этого въ настоящее время невозможно. Не смотря на почти полувѣ-

---

на: «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи (рѣчь на актѣ Моск. Ун-та 1839 г.)»; *Линовскаго*: «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права изложеннаго въ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича (Од. 1847 г.)»; *Забѣлина*: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича (Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній Калачова, I, 1850); Кавелина: «Рецензія на I кн. Архива ист.-юр. свѣд. Калачова (Сочиненія, III)»; *Есиповичъ*: «Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г.»; *Владимірскій-Будановъ*: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алексѣя Михаиловича (Сборн. Госуд. Знаній, IV т. 1877 г.)». См. также въ сочиненіяхъ болѣе общаго содержанія, напр. у *Рожественскаго* (Обозр. внѣшней ист. рус. зак-ва), *Шпилевскаго* (Объ источникахъ рус. права въ связи съ развитіемъ государства), *Михайлова* (Исторія рус. права), *Пахмана* (Исторія кодификаціи гражд. права), *Сергѣевича* (Земскіе соборы въ Моск. государствѣ), *Бѣляева* (Исторія русск. законодательства), первый томъ моей «Ист. права Моск. гос-ва» и т. п.

ковую давность свою, затронутый нами вопросъ весьма мало подвинулся въ своей разработкѣ послѣ появленія въ свѣтъ вышеприведеннаго сочиненія Строева и до настоящаго времени представляетъ весьма много неяснаго и загадочнаго. Много работъ ожидаетъ еще со стороны нашихъ историковъ-юристовъ Уложеніе Алексѣя Михаиловича, для полнаго выясненія своей исторіи и историческаго значенія. Строевъ, изслѣдуя исторію Уложенія, не имѣлъ подъ руками неизданныхъ еще въ то время актовъ Археографической Коммиссіи—стяжавшихъ ему же впослѣдствіи почетное имя въ лѣтописяхъ русской исторической науки—вслѣдствіе чего всѣ сужденія свои объ этомъ законодательномъ памятникѣ вынужденъ былъ онъ основывать исключительно на собственномъ текстѣ его. Упустивъ изъ виду это весьма существенное обстоятельство, преемники Строева, слѣпо преклонившись передъ авторитетомъ его изслѣдованія—въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій передавали отъ поколѣнія къ поколѣнію выводы почтеннаго ученаго, не сопоставляя ихъ съ сдѣлавшимися вскорѣ доступными изданіями Археографической Коммиссіи. Только въ новѣйшее сравнительно время намѣчено было новое направленіе въ изслѣдованіи исторіи Уложенія царя Алексѣя, благодаря трудамъ покойнаго *Щапова* и затѣмъ *проф. Сергѣевича*. Это новое направленіе выдвинуло впередъ вопросъ о степени участія земщины въ дѣлѣ составленія и изданія этого законодательнаго памятника. На этомъ то именно вопросѣ и имѣю я въ виду остановить, Мм. Гг., Ваше вниманіе въ настоящей рѣчи моей, при чемъ долженъ буду затронуть въ эскизахъ и нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ исторіи изданія Уложенія.

Вопросъ объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ въ половинѣ XVII вѣка изданіе Уложенія, достаточно выясненъ уже наукою и въ данную минуту мнѣ не доведется долго на немъ останавливаться. Эти условія коренятся, съ одной стороны — въ обиліи отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій, накопившихся въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ въ теченіи почти столѣтняго промежутка времени, истекшаго со времени изданія послѣдняго законодательнаго сборника, Судебника Іоанна IV, которыя, будучи издаваемы на отдѣльные практическіе случаи и вслѣдствіе этого отличаясь своею казуистичностью и нерѣдкими противорѣчіями, да вдобавокъ въ значительной массѣ потерявши всякое жизненное значеніе—требовали основательнаго пересмотра и освобожденія своего отъ излишняго законодательнаго баласта; съ другой стороны—необходимость кореннаго пересмотра законодательства проистекала изъ расшатанности всего государственнаго и общественнаго быта, рожденной предшествовавшимъ смутнымъ временемъ, которая сильно давало еще чувствовать себя къ половинѣ XVII-го вѣка. Смутное время до самаго основанія поколебало весь строй государственной жизни русской земли и грозило довести ее до края гибели. Цѣлая серія самозванцевъ, притязанія Польши и Швеціи, голодъ, усобицы, внутренняя рознь—губили какъ матеріальныя, такъ и духовныя силы народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ полное безначаліе, своеволія людей сильныхъ, угнетенія слабыхъ, игнорированіе закона —подрывали правомѣрность по всему протяженію государства. На долю царя Михаила Ѳеодоровича, избраннаго на престолъ въ 1613 году, выпала тяжкая доля прекратить невыносимое положеніе дѣлъ, созданное смутнымъ временемъ;

но ему далеко не удалось, да и было это почти невозможнымъ, довести до конца предстоявшую ему задачу. Царствованіе Михаила—это, такъ сказать, еще время борьбы за существованіе русскаго государства, вышедшаго изъ тяжелой годины смутной эпохи, время борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, мѣшавшими мирному ходу развитія жизни, столь необходимому государству послѣ вынесенныхъ имъ испытаній. Безпрерывныя войны, ведшіяся царемъ Михаиломъ, требовали огромныхъ издержекъ со стороны государства,—а между тѣмъ молодой государь, вступивъ на престолъ, принялъ государственную казну на столько пустою, что не на что было даже отдѣлать для его пріѣзда кремлевскихъ хоромъ. Потребны были великія матеріальныя жертвы со стороны народа—и послѣдній, въ лицѣ земскихъ соборовъ, собиравшихся царемъ Михаиломъ въ критическія минуты государственной жизни, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ клалъ ихъ на алтарь отечества. Дѣйствительно, матеріальныя жертвы русской земщины послѣ смутнаго времени являются почти невѣроятными: достаточно сказать, что, въ краткій промежутокъ времени 1613—1619 гг., земскій соборъ дважды постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе земщиною 40% съ имуществъ. Понятно, какъ отозвались подобныя жертвы на матеріальномъ благосостояніи низшихъ податныхъ классовъ, въ лицѣ посадскихъ и уѣздныхъ черныхъ общинъ. Извѣстно, что древняя Русь не имѣла дѣла съ отдѣльными лицами, какъ податными плательщиками: податною единицею признавалась община, все равно, городская—посадская, или уѣздная—волостная, члены которой связаны были круговою порукою и сами развер-

стывали между собою „по животамъ и промысламъ“ падавшую на всю общину сумму тягостей. Тяглымъ или черпымъ людямъ противопологались бѣломѣстцы, лица освобожденныя отъ государственнаго финансоваго тягла; сюда относилось духовенство, служилые люди и наконецъ гости и торговцы двухъ высшихъ разрядовъ—гостинной и суконной сотенъ. И вотъ массы уѣздныхъ тяглыхъ людей, избывая платежа падающихъ на ихъ долю тягостей—выходятъ изъ своихъ общинъ, переходятъ въ посады, города, гдѣ думаютъ поправить свое матеріальное положеніе занятіями городскими промыслами, или закладываются за монастыри и лицъ, пользующихся правами бѣломѣстцевъ, при посредствѣ и поддержкѣ которыхъ избавляются отъ своего тягла. Въ надеждѣ на улучшеніе своего благосостоянія бѣжали изъ за вотчинниковъ и помѣщиковъ своихъ крестьяне, лишь въ концѣ XVI вѣка прикрѣпленные къ землямъ на которыхъ сидѣли, хотя, въ разсматриваемую нами эпоху (первую половину XVII в.),—прикрѣпленіе это еще не было абсолютнымъ: существовали еще урочныя лѣта (до 1640 года пять лѣтъ, послѣ 1640 года —десять и пятьнадцать лѣтъ), по истеченіи которыхъ вотчинникъ или помѣщикъ, не успѣвшій въ этотъ срокъ розыскать своего бѣглаго крестьянина, уже терялъ право требовать его возвращенія. Избывали финансоваго тягла и посадскіе люди, отчасти выходя изъ своихъ общинъ и закладываясь за монастыри, духовныхъ и служилыхъ лицъ, а отчасти продавая тяглые городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ, вслѣдствіе чего эти дворы и угодья выходили изъ общей массы городскихъ имуществъ, подлежащихъ податному сбору. Легко представить себѣ матеріальный ущербъ, проистекавшій отъ подобнаго порядка вещей для городскихъ и уѣздныхъ общинъ по отношенію къ податной

повинности: за выходомъ изъ общинъ значительнаго количества податныхъ плательщиковъ и за отчужденіемъ бѣломѣстцамъ тяглыхъ дворовъ и угодій—оставшимся членамъ общинъ, связаннымъ круговою порукою, доводилось раскладывать наложенную на общину податную сумму уже между меньшимъ количествомъ податныхъ единицъ, въ ущербъ матеріальному благосостоянію отдѣльныхъ плательщиковъ. Вскорѣ послѣ окончанія смутнаго времени, обусловленная вышеуказанными причинами подвижность народонаселенія приняла столь обширные размѣры, что стала угрожать совершеннымъ разстройствомъ народному и государственному хозяйству. Массами посыпались въ Москву челобитныя общинъ о прекращеніи свободнаго выхода изъ общинъ и тягла и, въ частности, челобитья городскихъ общинъ о запрещеніи посадскимъ людямъ отчуждать городскіе дворы и угодья свои бѣломѣстцамъ. Жаловались правительству на разстройство внутренняго быта своего и служилые люди, ходатайствуя объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ своихъ, объ увеличеніи размѣровъ помѣстныхъ окладовъ своихъ и объ уравненіи служилой повинности для высшихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ. Всѣ эти ходатайства различныхъ классовъ населенія облекались или въ форму отдѣльныхъ челобитныхъ, подававшихся на имя государя, или же въ форму петицій, заявлявшихся на земскихъ соборахъ; особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи земскій соборъ 1642 года, созванный для обсужденія Азовскаго вопроса. Результатомъ челобитій, подававшихся государямъ по различнымъ вопросамъ земскаго строенія, явился длинный рядъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, исподоволь подготовлявшихъ какъ

закрѣпленіе городскаго посадскаго населенія, съ рѣзкимъ отграниченіемъ его отъ населенія волостнаго, уѣзнаго, такъ и окончательное закрѣпленіе крестьянскаго населенія, путемъ увеличенія, а наконецъ и полной отмѣны, урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Въ удовлетвореніе же жалобъ населенія на утѣсненія его со стороны лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, злоупотреблявшихъ значеніемъ своимъ для притѣсненія лицъ и состояній болѣе слабыхъ,— еще въ царствованіе царя Михаила учреждена была особая приказная коммиссія изъ бояръ, князей Ив. Бор. Черкасскаго и Дан. Ив. Мезецкаго, для сыска и дачи суда по жалобамъ подобнаго рода. Но всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для улучшенія внутренней государственной и общественной жизни, не достигали желаемаго результата, какъ вслѣдствіе того обстоятельства, что эти мѣры не имѣли рѣшительнаго характера, такъ и вслѣдствіе ихъ казуистичности и случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, всегда умѣли находить способы и лазейки для обхода устанавливавшихъ ихъ узаконеній.

Всѣ указанныя нами нестроенія государственной и общественной жизни подготовили къ концу первой половины XVII вѣка необходимость коренного пересмотра законодательства, необходимость дать твердыя нормы государственному и общественному быту, необходимость дать населенію гарантіи равнаго, праваго и безволокитнаго суда, необходимость начертать опредѣленный кругъ правъ и обязанностей для всѣхъ классовъ населенія. Отвѣтомъ на эти потребности и явилось изданіе въ 1649 году Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Теперь ясно для насъ то весьма важное значеніе, которое должно было имѣть изданіе этого

памятника какъ для интересовъ правительства, такъ и для интересовъ земщины; теперь понятно для насъ, почему само правительство, въ предисловіи къ Уложенію, называетъ его изданіе „государевымъ и земскимъ великимъ дѣломъ". Изъ предисловія къ Уложенію узнаемъ мы также, что памятникъ этотъ изданъ для того,—чтобы „Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ ровна", чтобы „государево царственное и земское дѣло утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла впредь были ничѣмъ нерушимы".

Существуетъ весьма любопытное указаніе на то, что къ составленію Уложенія приступило Московское правительство въ виду заявленнаго о томъ желанія представителей земщины. Хотя въ самомъ предисловіи къ этому законодательному памятнику о томъ и не упоминается, но въ дошедшей до насъ грамотѣ въ Нагорную половину Обонежской пятины, съ предписаніемъ о присылкѣ въ Москву выборнаго человѣка къ земскому собору, собиравшемуся по поводу составленія Уложенія, читаемъ мы,—что составленіе послѣдняго предпринимается по указу Государя и Патріарха, по приговору бояръ и „*по челобитью* стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ *всѣхъ городовъ*, и иноземцовъ, и гостей, и гостинныя и суконныя и *всякихъ чиновъ* торговыхъ людей". Нельзя не остановиться въ недоумѣніи передъ этимъ историческимъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго, въ виду оффиціальнаго характера акта,—не можетъ подлежать тѣмъ не менѣе сомнѣнію. Когда именно заявлено было челобитье, о которомъ идетъ рѣчь? Въ разрѣшеніе этого вопроса можно

допустить три предположенія: челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника могло быть заявлено или на земскомъ соборѣ 1645 года, созванномъ послѣ кончины царя Михаила Ѳеодоровича, или на какомъ либо земскомъ соборѣ, свѣдѣнія о наличности котораго до насъ не дошли и который могъ имѣть мѣсто въ промежутокъ времяни отъ 1645 до 1649 года, или подъ заявленіемъ правительства о составленіи Уложенія по челобитью различныхъ чиновъ людей, могло скрываться желаніе указать, что къ этой мѣрѣ прибѣгается вслѣдствіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ челобитій различныхъ общинъ, подававшихся до 1649 г., о которыхъ выше упоминали мы. Мы лично болѣе всего склоняемся къ первому предположенію, т. е. что челобитье о составленіи новаго законодательнаго сборника, долженствовавшаго дать твердость расшатанному государственному и общественному быту — было заявлено выборными людьми земскаго собора 1645 года. Еще въ послѣдніе годы жизни царя Михаила, именно на земскомъ соборѣ 1642 года, поданы были различными группами выборныхъ людей весьма серьезныя петиціи, обращавшія вниманіе правительства на многіе недостатки внутренней государственной жизни; ничего не могло быть естественнѣе факта, что, три года спустя, земскій соборъ, при наличности котораго вступалъ на престолъ шестнадцатилѣтній царь Алексѣй, повторяя прежнія петиціи, указалъ и на необходимость пересмотра и систематизаціи законодательнаго матеріала. Какъ бы то нибыло, но до третьяго года царствованія Алексѣя Михаиловича не было приступаемо къ пересмотру законодательства. Но вотъ лѣтомъ 1648 года произошли въ Москвѣ событія, быстро подвинувшія этотъ вопросъ къ его осуществленію. Послѣ брака царя Алексѣя

съ Марьею Милославскою, отецъ послѣдней, Илья Даниловичъ Милославскій и ближайшіе родственники его, Плещеевъ и Траханіотовъ, получили важное вліяніе на дѣла правительственныя и пользуясь своимъ новымъ положеніемъ — начали стремиться къ наживѣ, совершенно упуская изъ виду интересы народа; особенный вредъ могъ причинять Леонтій Плещеевъ, бывшій судьею весьма важнаго Земскаго Приказа. Къ старому неудовольствію народонаселенія, еще раньше негодовавшаго на царскаго любимца Морозова, за его симпатіи къ иноземнымъ купцамъ и за увеличенныя пошлины на соль—прибавилось еще новое. Посыпались многочисленныя челобитныя на Государево имя,—но лица окружавшія царя Алексѣя представляли всегда дѣло царю въ такомъ свѣтѣ, что эти челобитныя, если и доходили до него, то тѣмъ не менѣе оставались безъ удовлетворенія. 25 Мая 1648 года неудовольствіе перешло въ открытый бунтъ: народъ потребовалъ казни своихъ обидчиковъ. Безпорядки были прекращены обѣщаніемъ царя замѣстить должности убитыхъ Плещеева и Троханіотова лицами честными и пріятными народу, уменьшить соляную пошлину, уничтожить монополіи и лично наблюдать за тѣмъ, чтобы судъ былъ безпосульный и всѣмъ равный (¹).

И дѣйствительно, менѣе нежели черезъ два мѣсяца послѣ сейчасъ лишь описанныхъ событій—данъ былъ царскій указъ о составленіи новой Уложенной книги, „чтобы, говоритъ этотъ указъ, Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна“. Что дѣлу

(¹) Соловьевъ: Исторія Россіи, X, стр. 153—156.

составленія Уложенія данъ былъ рѣшительный толчокъ выше описанными событіями—на это указываетъ и лихорадочная быстрота, съ которою приступлено было къ выполненію задачи, болѣе раннему осуществленію которой ставились вѣроятно затрудненія со стороны окружавшихъ молодаго царя приближенныхъ, находившихъ въ томъ свой личный интересъ. Первыя распоряженія объ организаціи подготовительныхъ работъ для составленія новаго законодательнаго сборника сдѣланы были 16 іюля 1648 года. Въ этотъ достопамятный день, какъ свидѣтельствуетъ самое предисловіе къ Уложенію, царь Алексѣй Михаиловичъ, по совѣту съ патріархомъ и членами освященнаго собора и по приговору бояръ и думныхъ людей своихъ, указалъ немедленно приступить къ выясненію и собиранію законодательнаго матеріала для будущаго сборника, по слѣдующей програмѣ: „Которые статьи написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, *и тѣ бы статьи выписать*; и что бы прежнихъ великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и отца его Государева, блаженныя памяти великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, *указы и боярскіе приговоры* на всякія государственныя и на земскія дѣла *собрать*, и тѣ государевы указы и боярскіе приговоры *съ старыми Судебники* (¹) *справити*. А на которыя *статьи* (²) въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и

(¹) Вел. князя Іоанна III-го и царя Іоанна IV-го.
(²) Т. е. законодательные вопросы.

боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, *и тѣ бы статьи по тому же написати* (¹) и изложити общимъ совѣтомъ (²).... И указалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи *то все собрати и въ докладъ написати* боярамъ, *князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому*, да *князю Семену Васильевичу Прозоровскому*; да *окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому*; да *дьякамъ, Гаврилу Левонтьеву* да *Ѳедору Грибоѣдову*". (³) Такимъ образомъ, одновременно съ начертаніемъ программы для подготовительныхъ работъ по изданію новаго законодательнаго сборника, назначена была и особая коммиссія изъ пяти лицъ для выполненія этихъ работъ.

Какъ слѣдуетъ понимать выписанное сейчасъ свидѣтельство о порученіи, возложенномъ на князя Одоевскаго съ товарищами — этотъ вопросъ будетъ ниже затронутъ нами. Возвратимся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію мѣропріятій царя, связанныхъ съ задачею изданія Уложенія.

Мы уже видѣли, что Алексѣй Михаиловичъ самъ признавалъ изданіе новаго законодательнаго сборника „своимъ государевымъ и земскимъ великимъ царственнымъ дѣломъ"; видѣли также, что земщинѣ принадлежала до извѣстной степени и самая иниціатива пересмотра и обновленія законодательства. Вслѣдствіе сего царь Алексѣй, рѣшившись привести къ исполненію это великое предпріятіе—счелъ нужнымъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ представителей всѣхъ классовъ населенія, въ немъ заинтересованныхъ. Одно-

(¹) Т. е. сформулировать эти законодательные вопросы.

(²) Здѣсь, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ, подъ этимъ выраженіемъ разумѣется разрѣшеніе вновь сформулированныхъ законодательныхъ вопросовъ земскимъ соборомъ.

(³) См. предисловіе къ Уложенію.

временно съ распоряженіями о предпринятіи подготовительныхъ работъ по изданію Уложенія и съ назначеніемъ для того особой коммиссіи изъ пяти лицъ, сдѣланы были и распоряженія о созваніи въ Москвѣ земскаго собора. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ предисловіи къ Уложенію: „А для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь, по совѣту со отцемъ своимъ и Богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и бояре приговорили, выбрати: изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ, и изъ жильцовъ чину, по два человѣка; также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, взяти, изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку; а изъ меньшихъ городовъ—по человѣку; а изъ гостей—трехъ человѣкъ; а изъ гостиные и изъ суконные сотенъ—по два человѣка; а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ—по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, что бы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и по соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы“. Эта выписка изъ предисловія къ Уложенію знакомитъ насъ такимъ образомъ съ самымъ количествомъ выборныхъ, которое должны были прислать къ собору отдѣльные классы населенія. Дальнѣйшія свѣдѣнія о распоряженіяхъ по организаціи земскаго собора 1648—1649 года (¹) почерпа-

(¹) Этотъ земскій соборъ означаемъ мы двумя годами потому, что, такъ какъ новый годъ начинался въ то время съ 1-го сентября,—онъ имѣлъ мѣсто, по современному намъ лѣтоисчисленію—въ 1648 г., по старому же лѣтоисчисленію—въ 1649 году.

емъ мы изъ дошедшей до насъ грамоты губному старостѣ Нагорной половины Обонежской пятины, содержащей въ себѣ предписаніе о высылкѣ къ Москвѣ одного выборнаго. Изъ этого замѣчательнаго акта узнаемъ мы, что распоряженіе о созывѣ земскаго собора дѣйствительно состоялось одновременно съ постановленіемъ о составленіи Уложенія; послѣднее состоялось 16-го іюля 1648 года,—а 28-го числа того же мѣсяца послана была изъ Новгородскаго Приказа грамота Новгородскому воеводѣ о высылкѣ въ Москву выборныхъ къ земскому собору. Въ видахъ спѣшности, съ которою приступлено было къ составленію новаго уложенія, самый срокъ, въ теченіи котораго должны были явиться въ Москву выборные—былъ назначенъ краткій до minimum'а: выборные должны были собраться къ новому году по старому лѣтоисчисленію, т. е. къ 1-му сентября 1649 года; такимъ образомъ не много болѣе мѣсяца расчитано было на пересылку изъ Москвы грамотъ съ предписаніемъ произвести выборы, на самую процедуру послѣднихъ и на проѣздъ выборныхъ до столицы. По смыслу цитируемой нами грамоты, губному старостѣ предписывается собрать избирателей на губномъ станѣ, прочесть имъ государевъ указъ о производствѣ выбора и велѣть приступить къ самому избранію выборнаго—„человѣка добра и смышлена, кому бъ государевы и земскіе дѣла за обычай", „которому бы быть на Москвѣ для государева земскаго дѣла съ государевы бояры, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи". Въ знакъ легитимаціи выборныхъ, составлялись особые подписанные избирателями протоколы,—„выборы за руками",—которые вмѣстѣ съ ними препровождались въ Мос-

кву. Явиться въ Москву предписывается выборнымъ „съ запасомъ", т. е. съ обезпеченными средствами продовольствія на все продолженіе соборной сессіи. Стремленіе правительства къ возможно скорѣйшему собранію земскаго собора и къ обезпеченію своевременной явки выборныхъ къ указному сроку—1-му сентябрю—невольно бьетъ въ глаза при чтеніи разсматриваемой грамоты (¹).

Вліяніе земщины на дѣла законодательства, выразившееся въ изданіи Уложенія царя Алексѣя Михаиловича—было далеко не единственнымъ случаемъ подобнаго рода въ исторической жизни Московскаго государства, далеко не является съ характеромъ явленія исключительнаго. Въ этомъ легко убѣдиться, вглядываясь въ историческія причины тѣхъ или другихъ законодательныхъ мѣропріятій Московскихъ государей. Введеніе во второй четверти XVI вѣка губнаго права и губнаго института, по которому общины получили право собственнаго, земскаго, разслѣдованія, суда и каранія, первоначально только разбойныхъ, а позже и другихъ высшихъ уголовныхъ преступленій,—право предоставлявшееся общинамъ дачею имъ особыхъ губныхъ грамотъ—было вызвано, какъ извѣстно, земскими челобитьями (²). Равнымъ образомъ и уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, содержавшія въ себѣ регламентацію областнаго управленія, въ видахъ гарантіи земщинъ отъ злоупотребленій со стороны мѣстныхъ управителей—намѣстниковъ и волостелей—были вызваны къ жизни

(¹) А. А. Э. IV, № 27.
(²) См. мою «Исторію права Моск. государства», 1. стр. 45.

путемъ многочисленныхъ челобитій общинъ (¹). Далѣе, когда дача областямъ этого рода уставныхъ грамотъ оказалась безсильною улучшить состояніе современнаго областнаго управленія и когда царь Іоаннъ IV, въ видахъ продолжающихся челобитій областей, предпринялъ рѣшительную мѣру —отмѣну въ областяхъ правительственнаго управленія, съ замѣною его самымъ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ посредствомъ выборныхъ земскихъ властей — онъ сдѣлалъ это, согласно челобитьямъ и указаніямъ областныхъ земщинъ. Дѣйствительно, первая дошедшая до насъ грамота, предоставляющая право земскаго самоуправленія, данная въ 1552 г. области Вагѣ—сама свидѣтельствуетъ, что она дана по челобитью „всѣхъ Шенкурцовъ и Вельскаго стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ крестьянъ"; всматриваясь далѣе въ сущность мѣръ, предлагавшихся Важскими людьми правительству въ видахъ улучшенія администраціи и внутренней жизни области—мы увидимъ что нормы, данныя царемъ для вводимаго имъ самоуправленія, представляютъ буквальное утвержденіе мѣръ, предложенныхъ самою земщиною (²). Вслѣдъ за Важанами стали бить челомъ о введеніи у нихъ земскаго сумоуправленія и другія области русскія, также получавшія это право (³);—и такимъ образомъ, путемъ инициативы отдѣльныхъ земщинъ, развивался мало по малу институтъ, который мечталъ Іоаннъ IV распространить на всѣ облас-

---

(¹) См. тамъ же, стр. 50 и 52.

(²) А. А. Э. I, № 234.

(³) Напр. А. А. Э, I, №№ 242, 243, 250, III, № 126 и др

ти своего государства. Задумавъ сдѣлать введеніе земскаго самоуправленія мѣрою всеобщею—Іоаннъ IV предоставилъ тѣмъ не менѣе областнымъ земщинамъ самимъ дѣлать выборъ между прежнею системою казеннаго, приказнаго, управленія и между новою системою земскаго самоуправленія; и вотъ мы видимъ, что однѣ земщины совсѣмъ не приняли дарованнаго имъ права самоуправленія, другія приняли его, но, оказавшись несостоятельными къ его воспріятію, вскорѣ снова возвратилась къ системѣ приказнаго управленія, и наконецъ третьи, принявъ земское самоуправленіе, съ честью удерживали его до самой эпохи Петровскихъ реформъ. Въ концѣ XVI-го вѣка воспослѣдовало, какъ извѣстно, прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ, на которыхъ они сидѣли въ моментъ изданія указа о запрещеніи прежняго права свободнаго перехода ихъ изъ одной общины въ другую, съ земель одного владѣльца на землю другаго. Этотъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землямъ, на которыхъ они въ данный моментъ сидѣли (¹), былъ лишь одною изъ палліативныхъ мѣръ Московскаго государства, а вовсе не узаконялъ той болѣзненной язвы послѣдующей русской жизни, которая, развиваясь путемъ злоупотребленій изъ первоначальнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ и получивъ въ позднѣйшее время названіе крѣпостнаго права,—была лишь въ настоящее царствованіе сорвана съ развивающагося организма русскаго народа благодѣтельною рукою нашего обожаемаго Царя-Освободителя. Этотъ указъ о прикрѣпленіи долженъ опять таки почитаться мѣрою, хотя и неудачною, хотя и повлекшею за собою гибельныя для развитія рус-

(¹) Который, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ и свѣдѣнія о которомъ почерпаются изъ позднѣйшаго указа. См. Бѣляева: «Крестьяне на Руси», стр. 105 и сл.

ской жизни послѣдствія —но предпринятою въ видахъ улучшенія внутренняго строя государственной и общественной жизни; дѣйствительно, бродячій характеръ уѣзднаго населенія, безпрерывные переходы крестьянъ, съ цѣлью избыванія податной повинности, изъ одной общины въ другую, съ земель одного владѣльца на земли другаго—не могли не отзываться гибельно и на интересахъ казны, и на внутреннемъ хозяйствѣ и бытѣ общинъ, и на благосостояніи небогатыхъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей—дворянъ и дѣтей боярскихъ. Казна не добирала податей, а безпрерывныя войны съ окрестными государствами требовали громадныхъ издержекъ; сельскія общины, обложенныя по писцовымъ книгамъ извѣстными суммами податей, должны были, въ силу финансовой круговой поруки, нести тягости не только за наличныхъ, но и за выбывшихъ сочленовъ, и наконецъ служилые люди, помѣстья которыхъ оставались не воздѣланными, жаловались на невозможность отбывать государеву службу съ пустующихъ помѣстій своихъ (¹). Истощеніе государственной казны и жалобы общинъ и служилыхъ людей на существующій порядокъ вещей—должны были оказать рѣшительное вліяніе на закрѣпленіе крестьянъ къ землямъ, на которыхъ засталъ ихъ указъ о прикрѣпленіи, хотя, какъ мы выше уже замѣтили, прикрѣпленіе до половины XVII-го вѣка смягчалось опредѣленіемъ извѣстныхъ урочныхъ лѣтъ, давностнаго срока (первоначально въ 5, а позже въ 10 и 15 лѣтъ), по истеченіи котораго крестьянинъ, оставившій землю, не могъ уже быть насильственно на нее возвращенъ. Переходя къ XVII вѣку—въ

(¹) Бѣляевъ: Крест. на Руси, стр. 96—104.

первой половинѣ его мы увидимъ громадное вліяніе оказанное челобитьями городскихъ общинъ на законодательство по устройству быта городовъ. Мы видѣли уже, какъ въ исходѣ XVI-го вѣка закрѣплено было населеніе уѣздное; теперь исподоволь подготовляется, подъ вліяніемъ указаній на недостатки внутренняго быта городовъ и на средства ихъ искорененія самихъ городскихъ общинъ—закрѣпленіе населенія городскаго, посадскаго. Это постепенное закрѣпленіе посадскаго населенія, вызванное жалобами общинъ на разстройство внутренняго быта ихъ, вслѣдствіе многочисленныхъ выходовъ изъ общинъ членовъ ихъ съ одной стороны, и переходовъ тяглыхъ городскихъ имуществъ въ руки бѣломѣстцевъ съ другой стороны—выражалось въ изданіи многочисленныхъ узаконеній, какъ воспрещавшихъ самовольный выходъ посадскихъ людей изъ ихъ общинъ, такъ и воспрещавшихъ владѣніе городскими дворами, угодьями и промышленными заведеніями лицамъ, не принадлежавшимъ къ городскому тяглому состоянію (¹). Мы объ этомъ имѣли уже впрочемъ случай сказать нѣсколько словъ выше, при общей характеристикѣ состоянія русскаго государственнаго и общественнаго быта передъ эпохою изданія Уложенія. Замѣтимъ здѣсь лишь тотъ замѣчательный фактъ, что мѣры, принимавшіяся правительствомъ по отношенію къ устройству быта городовъ—въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою утвержденныя законодательнымъ порядкомъ средства, рекомендованныя самими городскими общинами, въ ихъ челобитьяхъ государямъ. Далѣе, въ 1646 году, подана была государю совокуп-

---

(¹) А. А. Э. III, № 105, IV, № 24; А. И III; № 92 (IX, XXV, XXVII, XXX, XXXVI. Подробности въ моей статьѣ: «О правѣ владѣнія городскими дворами въ Моск. государствѣ» (Ученыя Зап. Казан. Ун-та 1877 г. № 1 и отдѣльно, Каз. 1877 г.).

ная челобитная торговыхъ людей многихъ городовъ на притѣсненія, причиняемыя имъ иноземными гостями, которымъ, какъ извѣстно, особенно протежировалъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича бояринъ Морозовъ,—въ которой ходатайствовалось о запрещеніи англійскимъ купцамъ торговать въ самой Москвѣ и о назначеніи Архангельска единственнымъ пунктамъ, въ которомъ могли бы они имѣть свои склады и факторіи (¹); это челобитье было удовлетворено, на точномъ основаніи заявленныхъ въ немъ торговыми людьми желаній, царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 1-го іюня 1649 года, въ которомъ прямо сказано, что мотивомъ ему послужили многочисленныя челобитныя торговыхъ людей (²). Нѣсколько позже, въ 1653 году, били государю челомъ Московскіе и городовые торговые люди о введеніи на всемъ протяженіи государства однообразной рублевой пошлины съ товаровъ и объ уничтоженіи прежняго разнообразія въ взыманіи пошлинъ, объ отмѣнѣ проѣзжихъ пошлинъ, о принятіи мѣръ противъ злоупотребленій таможенныхъ головъ, о введеніи для всего государства однообразія въ мѣрахъ и вѣсахъ и объ изданіи печатной уставной таможенной грамоты (³); это ходатайство удовлетворено было указомъ 1653 года и уставною грамотою 1654 года (⁴). Равнымъ образомъ и въ 1667 г. изданъ былъ, вслѣдствіе челобитья торговыхъ людей, новый Торговый Уставъ—одинъ язъ любопытнѣйшихъ законодательныхъ па-

---

(¹) А. А. Э. IV, № 13.
(²) П. С. З. № 9.
(³) А. А. Э. IV, 64.
(⁴) П. С. З. №№ 107 и 122.

мятниковъ второй половины XVII-го вѣка (¹). Вспомнимъ, что и уничтоженіе обычая мѣстничества, воспослѣдовавшее въ 1682 г., въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича,—явилось отвѣтомъ на челобитье о томъ выборныхъ отъ московскихъ и городовыхъ служилыхъ людей, засѣдавшихъ въ Москвѣ съ цѣлью пересмотра ратнаго устава (²). Вспомнимъ наконецъ и о коммиссіяхъ изъ представителей различныхъ классовъ населенія, составлявшихся во второй половинѣ XVII вѣка для обсужденія съ государевыми думными людьми различныхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ, какъ то совѣщаніе въ 1660 году съ Московскими торговыми людьми о причинахъ дороговизны жизненныхъ припасовъ и о средствахъ уравненія цѣнъ ихъ, совѣщанія съ ними же, въ 1672 г., о торговомъ договорѣ заключенномъ съ армянскими купцами, а въ 1676 г., —о торговлѣ шелкомъ съ Персіею и, наконецъ, совѣщаніе въ 1682 г. съ выборными отъ различныхъ торговыхъ и черныхъ классовъ населенія объ уравненіи службъ и податей.

Кромѣ подачи государямъ отдѣльныхъ челобитныхъ съ указаніемъ на различные недуги и темныя стороны современной жизни, вліяніе земщины на дѣла законодательства съ особенною силою обнаруживалось на земскихъ соборахъ. Такъ, земскіе соборы 1613, 1614, 1615, 1616, 1632, 1634 и 1637 годовъ, постановляли чрезвычайные сборы денегъ и припасовъ по случаю оскудѣнія государственный казны и необходимости предпри-

(¹) П. С. З. № 408.

(²) См. мою «Ист. права Моск. государства», I. стр. 300—303.

нятія значительныхъ военныхъ издержекъ (¹). Земскій соборъ 1619 года приговорилъ: производство всеобщей новой уравнительной переписи податныхъ имуществъ; сыскиваніе и возвращеніе на прежнія мѣста жительства посадскихъ и уѣздныхъ людей, вышедшихъ изъ своихъ общинъ и заложившихся за различныхъ собственниковъ, со взысканіемъ съ нихъ всѣхъ податей современи выхода ихъ изъ общинъ; учрежденіе въ Москвѣ особой приказной коммиссіи для изслѣдованія обидъ и утѣсненій, дѣлаемыхъ сильными и вліятельными людьми болѣе слабымъ; выясненіе количества доходовъ, расходовъ и остатковъ въ текущемъ году по различнымъ городамъ и, наконецъ, постановилъ созваніе новаго земскаго собора изъ выборныхъ, которые умѣли бы „разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, что бы пришло все въ достоинство" (²). Любопытны и петиціи, представленныя государю выборными людьми земскаго собора 1642 года. Будучи созваны для обсужденія Азовскаго дѣла и связаннаго съ нимъ вопроса о войнѣ съ Турціею и Крымомъ— выборные люди жаловались здѣсь государю на многія нестроенія внутренней государственной жизни: служилые люди указывали на неравномѣрность въ распредѣленіи выставки даточныхъ людей и въ платежѣ ратныхъ сборовъ и на привиллегіи, предоставленныя въ этомъ отношеніи высшимъ чинамъ служилыхъ людей и монастырямъ, на мздоимство

(¹) А. А. Э. III, №№ 4, 68, 70, 79, 80, 81, 211. 213, 242, 275.

(²) Ивановъ: «Описаніе Госуд. Разряднаго Архива (М. 1842 г.), стр. 301—304; Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 105.

приказныхъ людей, на низкій уровень своего матеріальнаго благосостоянія и на необходимость увеличенія размѣра помѣстныхъ окладовъ, на необходимость учесть по приходнымъ книгамъ приказныхъ людей,—„что бъ твоя Государева казна безъ вѣдомости не терялась, и тебѣ бъ Государю была въ прибыль“ и т. п.; представители торговыхъ классовъ и черныхъ слободъ указывали государю на тяжесть и неравномѣрность податей и повинностей, на паденіе торговли и промышленности, на злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей, на разстройство внутренняго быта общинъ, происшедшее вслѣдствіе того, что многіе тяглые люди отъ скудости „изъ сотенъ и слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ“ и т. п. (¹).

Въ заключеніе нашего общаго обзора вопроса о вліяніи земщины на законодательную дѣятельность государства Московскаго, мы не можемъ не выразить желанія, что бы наши историки-юристы сдѣлали его предметомъ серьезнаго изученія. Изслѣдованіе этого любопытнаго и богатаго матеріаломъ вопроса—дастъ возможность обнаружить односторонность и ошибочность нерѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчающихся воззрѣній на Московскую Русь, какъ на эпоху господства грубой силы, какъ на вотчинно-полицейское государство; дастъ съ другой стороны возможность выяснить то высокое довѣріе земщины къ своему Царю, тотъ тѣсный союзъ земли и государства, которыми всегда силенъ былъ русскій народъ, которые возродили повидимому гибнувшее государство послѣ тяжелой эпохи смутнаго времени, которые дали возможность русской землѣ стать на настоящую

(¹) Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 113.

высокую степень внутренней силы и могущества, поколебать которыя не въ силахъ ни внѣшніе, ни внутренніе враги русскаго народа и государства.

Позволивъ себѣ сдѣланное нами отступленіе, необходимое для полнаго уразумѣнія истиннаго значенія факта изданія въ половинѣ XVII-го вѣка Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, переходимъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію исторіи составленія этого законодательнаго памятника.

И такъ мы видѣли, что царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 16-го іюля 1648 года организована была, подъ предсѣдательствомъ князя Н. И. Одоевскаго, особая коммиссія изъ пяти лицъ, для совершенія подготовительныхъ работъ по изданію новаго законодательнаго сборника, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы распоряженія о созваніи въ Москву къ 1-му сентябрю, по поводу составленія этого сборника—земскаго собора.

Здѣсь прежде всего становимся мы лицемъ къ лицу съ слѣдующимъ вопросомъ, крайне существеннымъ для всей исторіи составленія Уложенія и для предмета настоящей рѣчи. Какую роль призваны были играть въ дѣлѣ составленія и изданія Уложенія, во первыхъ, коммиссія изъ князя Одоевскаго съ товарищами, а во вторыхъ, выборные созваннаго земскаго собора? Надо признаться, что вопросъ объ обоюдномъ отношеніи этихъ двухъ факторовъ въ дѣлѣ изданія Уложенія почти не затронутъ нашею историко-юридическою литературою. Общепринятое въ литературѣ мнѣніе рисуетъ намъ слѣдующую картину исторіи составленія и изданія Уложенія, построенную на предисловіи къ этому законодательному памятнику. Царскимъ указомъ отъ 16-го іюля 1648 г. поручено коммиссіи изъ князя Н. И. Одоевскаго

съ товарищами составить Уложеніе на основаніи сдѣланныхъ въ томъ же указѣ указаній на источники; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая придать Уложенію особую силу путемъ санкціи его земскимъ соборомъ, сдѣлано было распоряженіе о созваніи въ Москву къ 1-му сентябрю выборныхъ отъ различныхъ классовъ русскаго населенія. Коммиссія по составленіи Уложенія выполнила свою задачу съ замѣчательною, почти невѣроятною, быстротою: черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ изданія перваго указа о составленіи новаго законодательнаго сборника—Уложеніе было уже готово и съ 3-го октября 1649 г. (по старому лѣтоисчисленію, такъ какъ годъ начинался тогда съ 1-го сентября) читалось земскому собору, причемъ царь, члены освященнаго собора и думные люди слушали его отдѣльно отъ выборныхъ людей, которымъ оно читалось въ Отвѣтной Палатѣ, причемъ сидѣлъ депутатомъ отъ правительства бояринъ Юр. Ал. Долгорукій. Это чтеніе Уложенія и безмолвное согласіе выборныхъ людей, выразившееся пассивнымъ слушаніемъ его—и было санкціею Уложенія. По окончаніи чтенія, Уложеніе списано было на столбецъ, закрѣплено рукоприкладствами соборныхъ людей, переписано въ форму книги, закрѣпленной дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, и наконецъ предано печатанію, по окончаніи котораго (29 января 1649 года) и было разослано къ руководству во всѣ приказы и города. Впрочемъ позднѣйшіе изслѣдователи допускали составленіе нѣкоторыхъ статей Уложенія при участіи выборныхъ людей. Такъ проф. С. М. Шпилевскій и А. П. Щаповъ признаютъ, каждый изъ нихъ, что при участіи соборныхъ людей могли быть составлены двѣ статьи, причемъ первый изъ нихъ указываетъ на 1-ю статью XIII

главы и на 42-ю статью XVII главы, второй — на 1-ю статью XIX главы и на 42-ю статью XVII главы ([1]); такимъ образомъ, изъ сопоставленія указаній обоихъ изслѣдователей, получаются уже три статьи, составленныя при участіи земскаго собора (1-я ст. XIII гл., 42 я ст. XVII гл. и 1-я ст. XIX главы). Несравненно дальше пошелъ въ разрѣшеніи вопроса о вліяніи челобитій выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года на самое содержаніе Уложенія—проф. В. И. Сергѣевичъ, признающій за ними иниціативу, а отчасти и участіе, въ составленіи уже 19 статей Уложенія ([2]), чѣмъ и сдѣланъ былъ почтеннымъ изслѣдователемъ огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ выясненія истиннаго значенія этого законодательнаго памятника.

Таково современное состояніе вопроса объ исторіи составленія и изданія Уложенія 1649 года. Не смотря на значительный успѣхъ въ уясненіи этого вопроса, сдѣланный замѣтками В. И. Сергѣевича, въ этомъ вопросѣ, какъ сознается и самъ уважаемый профессоръ—остается много открытыхъ вопросовъ; таковы вопросы о сущности трудовъ, выполненныхъ къ 3-му октябрю кн. Одоевскимъ съ товарищами, о продолжительности засѣданія земскаго собора, о способахъ и мѣрѣ вліянія и участія соборныхъ людей въ составленіи Уложенія и, наконецъ, о времени санкціи и обнародованія его,—не говоря уже объ источникахъ Уложенія,

---

([1]) *Шпилевскій:* «Объ источникахъ русс. права въ связи съ развитіемъ государства» (Уч. Зап. Казан. Университета 1862 г. и отдѣльно), стр. 316—317. *Щаповъ:* «Земскій Соборъ 1648—49 г. и собраніе депутатовъ 1767 года» (Отеч. Зап. 1862 г. № 11), стр. 6—7.

([2]) «Земскіе Соборы въ Моск. Государствѣ» (Сборн. Госуд. знаній, т. II), стр. 42—43. Эти статьи слѣдующія именно: XIII гл. ст. 1-я; XVII гл. ст. 42; XIX гл. ст. 1, 3, 5—18, 19).

о мѣрѣ и способахъ пользованія ими и т. п. вопросахъ, которые въ настоящее время не могутъ быть затронуты нами.

Будучи далеки отъ мысли исчерпать въ настоящей рѣчи всѣ указанные выше вопросы, — мы позволимъ себѣ лишь высказать нѣкоторыя соображенія, могущія, по нашему мнѣнію, вести къ ихъ выясненію и къ возстановленію въ истинномъ свѣтѣ исторіи составленія Уложенія.

Остановимъ прежде всего наше вниманіе на вопросѣ о томъ: что именно было поручено выполнить, указомъ отъ 16-го іюля, князю Одоевскому съ товарищами? Было-ли имъ поручено составить вполнѣ законченный законодательный сборникъ, который оставалось бы лишь прочесть для формы выборнымъ людямъ, да утвердить ихъ рукоприкладствами,—какъ смотрѣли на это дѣло Строевъ, а за нимъ и позднѣйшіе изслѣдователи? Подобнаго отвѣта не представляется возможнымъ вывести изъ предисловія къ Уложенію, на основаніи котораго строится вышеизложенная ходячая картина составленія Уложенія. Предисловіе это свидѣтельствуетъ намъ, какъ мы это выше видѣли ([1]), что князю Одоевскому поручено было лишь *„выписать“* подходящія статьи изъ постановленій Св. Апостоловъ и Св. Отецъ и изъ градскихъ законовъ; *„собрать“* всѣ указы и боярскіе приговоры и *„справить“*, сличить ихъ, со старыми Судебниками; сформулировать, для предстоящаго разрѣшенія ихъ земскимъ соборомъ, новые законодательные вопросы, не разрѣшенные предшествовавшимъ законодательствомъ; наконецъ,

---

([1]) См. выше страницу 19—20.

собравъ все это—*„въ докладъ написати“*, т. е. приготовить для доклада царю и земскому собору.

Ясно, что изъ подобнаго рода указаній, даже съ величайшею натяжкою—трудно выводить заключеніе о возложеніи на кн. Одоевскаго съ товарищами задачи самостоятельнаго составленія законченнаго законодательнаго сборника. Здѣсь просто идетъ лишь рѣчь о выпискахъ, снесеніи и сличеніи матеріала, о предварительной обработкѣ его, о подготовленіи почвы для будущей дѣятельности выборныхъ людей, о составленіи проекта сборника, въ смыслѣ расположенія собраннаго и обработаннаго матеріала въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, — безъ всякой претензіи на законченность выполненной работы. Тѣмъ менѣе можно допускать возможность самостоятельнаго разрѣшенія коммиссіею новыхъ законодательныхъ вопросовъ, затронутыхъ Уложеніемъ, „руководствуясь духомъ прежнихъ отечественныхъ узаконеній“,—какъ утверждаетъ это Строевъ ([1]). Въ текстѣ предисловія ясно сказано, что эти новые законодательные вопросы должны быть изложены *„общимъ совѣтомъ“*; подъ послѣднимъ выраженіемъ Строевъ хочетъ разумѣть совокупное совѣщаніе кн. Одоевскаго съ товарищами. Это абсолютно невѣрно. Если бы Строевъ и повторявшіе его выводы писатели ближе вникли во внутренній смыслъ предисловія, они сопоставили бы съ этимъ выраженіемъ его повтореніе, находящееся нѣсколько ниже, гдѣ говорится, что проектъ сборника слушался всѣми выборными людьми, „ко-

---

([1]) Совершенно самовольно толкуя при этомъ значеніе словъ «потому же» — находящихся въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ предисловія. «Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія», стр. 26 и примѣч. 49.

торые къ тому *общему совѣту* выбраны на Москвѣ и изъ городовъ", — откуда прямой и логическій выводъ тотъ, что эти новые вопросы постановлено было разрѣшить земскимъ соборомъ. Все сейчасъ высказанное нами конечно не умаляетъ передъ лицемъ исторіи заслугъ кн. Одоевскаго и сотрудниковъ его, хотя и лишаетъ ихъ чести считаться „сочинителями" Уложенія (¹). Собраніе и снесеніе разбросаннаго матеріала, расположеніе его въ извѣстной системѣ и наконецъ формулированіе новыхъ законодательныхъ запросовъ, выдвинутыхъ впередъ приказною практикою предшествовавшаго времени — все это представляетъ собою трудъ немалый, въ особенности если мы вспомнимъ краткій промежутокъ времени, бывшій въ распоряженіи коммиссіи. Этотъ трудъ коммиссіи не теряетъ своего значенія даже въ виду широкаго черпанія ею готоваго матеріала изъ записныхъ указныхъ книгъ приказовъ и изъ Литовскаго Статута, на что указано было К. Д. Кавелинымъ (²) и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (³), хотя, при всѣхъ указанныхъ условіяхъ, и должно быть устранено обычное удивленіе передъ

(¹) Въ доказательство того, что къ 3-му октябрю не могло быть окончено составленіе Уложенія въ окончательной редакціи, можемъ мы сослаться на 24-ю ст. XI главы его, изъ которой явствуетъ, что она составлена уже въ 1649 г.,—значитъ послѣ 1-го сентября (здѣсь находимъ выраженіе: «съ 1-го сентября *нынѣшняго* 157 году»). Слѣдовательно, если бы мы допустили составленіе коммиссіею къ 3-му октябрю окончательной редакціи Уложенія, то столкнулись бы съ необъяснимымъ фактомъ, что въ сентябрѣ не была готова еще и половина всего сборника.

(²) Кавелинъ: «Сочиненія», III, стр. 179—180.

(³) См. статью Владимірскаго-Буданова: «Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича», въ IV т. Сборника Госуд. Знаній.

чрезвычайною, едва вѣроятною быстротою составленія Уложенія княземъ Одоевскимъ съ товарищами.

Какъ бы то ни было, но къ 3-му октябрю 1649 года работы коммиссіи были окончены и кн. Одоевскій съ товарищами „выписавъ“ все то, что было предписано указомъ отъ 16-го іюля и „написавъ вновь“ тѣ вопросы по которымъ не состоялось опредѣленій въ предшествовавшемъ законодательствѣ—„къ государю приносили“, докладывали царю. Здѣсь опять таки нѣтъ и помина о представленіи государю вполнѣ законченнаго сборника. „И... октября съ третьяго числа,—продолжаетъ предисловіе къ Уложенію,—Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи Самодержецъ, со отцемъ своимъ и съ Богомольцемъ Святѣйшимъ Іосифомъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и со архіепископы и съ епископомъ, также и съ своими государевыми бояры, и съ окольничими и съ думными людьми, *того собранія* слушалъ и выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, что бы то все уложеніе впредь было прочно и неподвижно“. Трудно представить себѣ что либо менѣе опредѣленнаго цитированнаго мѣста предисловія. Что чтено выборнымъ? Какъ чтено и кѣмъ? Ограничились ли выборные пассивнымъ слушаніемъ проекта? Какъ продолжительно было это чтеніе? На всѣ эти вопросы предисловіе не даетъ намъ отвѣта, а потому и неудивительно, что Строевъ и его послѣдователи, основываясь на немъ, составили себѣ ложное представленіе о значеніи земскаго собора 1648—1649 года. Если допустить пассивное слушаніе выборными людьми готоваго Уложенія и если допустить даже ихъ участіе въ составленіи двухъ статей этого памятника,

согласно уступкѣ позднѣйшихъ писателей (исключая отсюда проф. Сергѣевича, значительно подвинувшаго вопросъ къ истинному его разрѣшенію)—то вся эта процедура, включая и закрѣпленіе Уложенія рукоприкладствомъ выборныхъ, могла быть окончена, при допущеніи самой значительной степени медленности — въ одну недѣлю; значитъ къ половинѣ октября, т. е., въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, считая отъ указа 16-го іюля, выполнена была вся задача изданія новаго законодательнаго сборника въ 25 главъ и 967 обширныхъ статей, сборника занявшаго 156 страницъ при напечатаніи его въ Полномъ Собраніи Законовъ! Не говоря уже о баснословной быстротѣ выполненія—при подобномъ толкованіи этого темнаго свидѣтельства предисловія отнимается всякое значеніе у земскаго собора 1648—1649 года. Неужели же выборные только для того и вызывались въ Москву, что бы прослушать чтеніе сборника, приложить къ нему руки и вновь разъѣхаться по домамъ? Неужели же могло найти себѣ выходъ въ подобномъ пассивномъ отношеніи къ дѣлу пересмотра законодательства—всеобщее неудовольствіе современнымъ порядкомъ внутренней государственной и общественной жизни, которое и дало именно непосредственный импульсъ дѣлу изданія Уложенія? Конечно нѣтъ. Здравый смыслъ и логика подсказываютъ намъ, что предисловіе къ Уложенію не передаетъ во всей полнотѣ истинной картины составленія этого памятника. Уже изъ самаго предисловія къ Уложенію видно, что князь Одоевскій съ товарищами представили къ 3-му октябрю не законченный законодательный сборникъ, но только выясненный и систематизированный матеріалъ, только проектъ будущаго Уложенія. Каковъ былъ этотъ проектъ и какъ отнеслись къ нему выборные

люди земскаго собора 1648—1649 года, на сколько былъ измѣненъ и дополненъ этотъ первоначальный проектъ—объ этомъ не имѣемъ мы никакихъ свѣдѣній, такъ какъ до насъ не дошли, ни остатки дѣлопроизводства коммиссіи изъ кн. Одоевскаго съ товарищами, ни дѣянія земскаго собора, ни первоначальный проектъ Уложенія, представленный къ 3-му октябрю. Строевъ впалъ въ грубое заблужденіе, утверждая, будто извѣстный уложенный столбецъ, закрѣпленный подписями соборныхъ людей, найденный въ царствованіе императрицы Екатерины Великой и хранящійся нынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ—есть первоначальный подлинникъ Уложенія, представленный 3-го октября княземъ Одоевскимъ съ товарищами. Основываясь на томъ, что въ этомъ столбцѣ не замѣтно ни поправокъ, ни исключеній—Строевъ дѣлаетъ выводъ, что всѣ статьи Уложенія приняты выборными людьми безъ всякихъ перемѣнъ ([1]). Этотъ выводъ Строева разбивается его же собственнымъ оружіемъ, тѣмъ же предисловіемъ къ Уложенію, на которомъ строитъ онъ всѣ свои доводы: въ предисловіи ясно сказано, что этотъ столбецъ, закрѣпленный руками соборныхъ людей — написанъ *послѣ* окончанія чтенія сборника выборнымъ людямъ. Напротивъ, всѣ обстоятельства, предшествовавшія изданію Уложенія, невольно наводятъ на мысль, что выборные люди должны были съ большею осторожностью и критикою отнестись къ составленному проекту Уложенія. Этотъ проектъ составлялся представителями того именно класса приказныхъ людей, которые, пользуясь юношествомъ молодаго царя Алексѣя Михайловича, дѣйствовали во вредъ интересамъ

([1]) Историко-юридическое изслѣдов. Уложенія, стр. 26 и прим. 51.

земскихъ классовъ, доведя ихъ до печальныхъ майскихъ событій 1648 года. Кажется даже, что и самъ предсѣдатель коммиссіи составленія проекта Уложенія, князь Никита Ивановичъ Одоевскій — не пользовался симпатіями земскихъ классовъ: по крайней мѣрѣ, во время безпорядковъ происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ 1648 года, за два мѣсяца до изданія указа о составленіи Уложенія — домъ его былъ разграбленъ наровнѣ съ домами другихъ, ненавистныхъ народу, вельможъ (¹).

До сихъ поръ мы приводили отрицательные доводы въ пользу невозможности представленія себѣ исторіи составленія Уложенія въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ее Строевъ и его послѣдователи, выясняли отрицательными доводами невозможность пассивнаго участія соборныхъ людей въ дѣлѣ изданія Уложенія. Переходимъ теперь къ положительнымъ доводамъ въ пользу активнаго участія земскаго собора 1648—1649 года въ дѣлѣ составленія этого законодательнаго сборника.

Мы уже знаемъ, что самый царскій указъ объ изданіи Уложенія намѣтилъ выборнымъ людямъ извѣстную долю активнаго участія въ составленіи этого законодательнаго памятника, именно по отношенію къ разрѣшенію выдвинутыхъ жизнью новыхъ законодательныхъ вопросовъ, не нашедшихъ себѣ опредѣленія въ предшествовавшемъ законодательствѣ,—разрѣшить которые указано было „общимъ совѣтомъ"; мы видѣли, что подъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть именно земскій соборъ. Представляется да-

---

(¹) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. X, стр. 154.

же возможнымъ опредѣлить самое количество подобныхъ новыхъ статей, составленныхъ при участіи выборныхъ людей. Въ 1767 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ извѣстной коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія, императрица Екатерина Великая пожелала видѣть подлинникъ Уложенія 1649 года, чтобы узнать, какими именно лицами былъ онъ закрѣпленъ. Послѣ продолжительныхъ поисковъ, подлинный уложенный столбецъ, закрѣпленный рукоприкладствами членовъ освященнаго собора, бояръ и думныхъ людей и всѣхъ выборныхъ—найденъ былъ въ помѣщеніи старинной Казенной Палаты, гдѣ онъ хранился въ особомъ железномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ первымъ печатнымъ изданіемъ Уложенія (¹). Этотъ подлинный уложенный столбецъ пріобрѣтаетъ драгоцѣнное историческое значеніе, благодаря находящимся при многихъ статьяхъ его указаніямъ на источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Эти указанія, общее число которыхъ простирается до 177, свидѣтельствуютъ о заимствованіяхъ изъ стараго Судебника 1550 года и изъ дополнительныхъ къ нему указовъ, изъ Моисеева закона, градскихъ законовъ, Стоглава и изъ Литовскаго Статута, но при нѣкоторыхъ статьяхъ встрѣчаются отмѣтки, свидѣтельствующія о томъ, что статьи эти составлены *вновь* (²). Число этихъ послѣднихъ отмѣтокъ доходитъ до семнад-

(¹) См статью г. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича», въ 1-й кн. Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева (М. 1850). Подлинный уложенный столбецъ хранится нынѣ въ Московской Окружейной Палатѣ, въ особомъ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ, сдѣланномъ для его храненія по повелѣнію Екатерины Великой.

(²) Забѣлинъ: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича», въ 1-й кн. Архива ист.—юрид. свидѣній Калачова,

цати—и эти то семнадцать статей и должны почитаться тѣми новыми вопросами, которые разрѣшены были „общимъ совѣтомъ“, при участіи земскаго собора. Этими вновь составленными статьями, какъ усматривается изъ подлиннаго уложеннаго столбца, являются именно слѣдующія:

Главы X-й (о судѣ): статьи 137, 146, 147, 149, 185 и 236.

Главы XI-й (о крестьянахъ): статьи 15, 16, 17, 18 и 30.

Главы XV-й (о вершеныхъ дѣлахъ): статьи 2 и 3.

Главы XVII-й (о вотчинахъ): статьи 34 и 35.

Главы XX-й (о холопахъ): статьи 57 и 58.

Вникая въ содержаніе перечисленныхъ здѣсь статей, мы легко поймемъ, почему къ составленію ихъ привлечены были выборные люди: эти статьи касались наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной жизни. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ гарантіи противъ злоупотребленій приказныхъ людей – составлявшихъ главную причину народныхъ волненій въ маѣ 1648 года: здѣсь находимъ мы обезпеченіе возможности челобитій во всякое время на бояръ, окольничихъ и другихъ приказныхъ людей въ различнаго рода „обидныхъ дѣлахъ“, обезпеченіе безволокитной дачи на нихъ суда, не дожидаясь окончанія ими сроковъ службы,— исключая лишь воеводской службы въ наиболѣе отдаленныхъ окраинахъ, а также полковой и посольской службъ (гл. X, ст. 149); запрещеніе воеводамъ и другимъ приказнымъ людямъ брать служилыя кабалы на лицъ, живущихъ въ предѣлахъ ввѣренныхъ управленію ихъ округовъ, въ видахъ

обезпеченія отъ злоупотребленій приказныхъ людей личной свободы населенія (гл. XX, ст. 58); гарантіи противъ злоупотребленій недѣльщиковъ при отправленіи послѣдними судебно-исполнительныхъ порученій (гл. X, ст. 137, 146 и 147). Далѣе найдемъ мы здѣсь регламентацію наиболѣе спорныхъ сторонъ въ отношеніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ и нѣкоторыхъ частностей гражданскаго оборота вотчинъ и помѣстій,—извѣстно, что тяжбы изъ за бѣглыхъ крестьянъ и изъ за правъ владѣнія землями положительно обременяли судебныя учрежденія XVII вѣка и вносили страшную рознь въ жизнь низшихъ разрядовъ служилыхъ людей: здѣсь найдемъ мы регламентацію нѣкоторыхъ частностей, касающихся опредѣленія правъ помѣщиковъ и вотчинниковъ на бѣлыхъ крестьянъ и порядка суда по дѣламъ этого рода (гл. XI, ст. 15—18, XX, ст. 57; ограниченіе для новыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ права возобновленія судныхъ дѣлъ о бѣглыхъ и отпущенныхъ крестьянахъ, поконченныхъ при прежнихъ владѣльцахъ (гл. XV, ст. 2 и 3), опредѣленіе для покупщиковъ гарантій противъ возможности злонамѣреннаго обмана при отчужденіи собственниками вотчинъ своихъ (гл. XVII, ст. 34 и 35); мѣры противъ возможности пустошенія помѣстій, путемъ перевода помѣстныхъ крестьянъ на вотчинныя земли (гл. XI, ст. 30). Наконецъ здѣсь же найдемъ мы регламентацію двухъ частностей права процессуальнаго: опредѣленіе способа судебнаго представительства для лицъ, не имѣющихъ возможности лично отвѣчать на судѣ, и опредѣленіе способа судебной присяги въ тяжбамъ о правахъ владѣнія землею (гл. X, ст. 185 и 236).

Невольно раждается теперь вопросъ: когда именно составлены были, при участіи въ томъ выборныхъ людей,

исчисленныя нами „новыя“ статьи? Были ли онѣ составлены до 3-го октября, а слѣдовательно и включены въ изготовленный къ этому дню проектъ Уложенія, или же были онѣ составлены послѣ 3-го октября, во время самаго чтенія проекта, въ видѣ законодательнаго разрѣшенія вопросовъ, уже сформулированныхъ кн. Одоевскимъ съ товарищами? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить за отсутствіемъ данныхъ. Мы лично болѣе всего склоняемся въ пользу перваго предположенія, тѣмъ болѣе, что выборные находились въ Москвѣ уже съ 1-го сентября, слѣдовательно слишкомъ за мѣсяцъ до окончательнаго изготовленія проекта сборника—и въ этотъ промежутокъ времени легко могли быть собираемы для обсужденія поставленныхъ коммиссіею новыхъ законодательныхъ вопросовъ. Но, во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ въ составленіи этихъ семьнадцати статей—еще не было выраженіемъ законодательной инициативы земскаго собора 1648—1649 года. Послѣдняя выразилась въ челобитныхъ, поданныхъ выборными людьми государю послѣ 3-го октября, слѣдовательно при обсужденіи проекта Уложенія.

Разсмотримъ дошедшія до насъ свидѣтельства о подобнаго рода челобитныхъ соборныхъ людей.

30-го октября 1649 года, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ, поданы были два письменныхъ челобитья отъ выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года: одно изъ нихъ—отъ лица представителей служилаго класса, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; второе—выборными отъ гостей, торговцевъ гостинной и суконной сотенъ и городовыхъ, торговыхъ и посадскихъ людей. Сущность обоихъ челобитій—одна и тоже. Здѣсь выборные

жалуются государю, что въ окрестностяхъ Москвы и другихъ городовъ, на мѣстахъ, гдѣ были прежде городскіе выгоны,—устроены нынѣ слободы и пашни патріаршіи, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей; что въ Москвѣ и другихъ городахъ накупили себѣ и взяли въ закладъ тяглые дворы, лавки, погреба и соляныя варницы люди и крестьяне патріаршіи, монастырскіе, боярскіе и другихъ привиллегированныхъ лицъ, что они же заводятъ по городамъ торговлю, берутъ на откупъ таможни, кабаки и др. откупныя статьи,—и тѣмъ отбиваютъ у посадскихъ людей промыслы ихъ, причиняютъ имъ большіе убытки и содѣйствуютъ разстройству внутренняго быта городскихъ общинъ. Оба челобитья оканчиваются ходатайствомъ о запрещеніи заводить частныя слободы и пашни вблизи отъ столицы и другихъ городовъ, о запрещеніи людямъ и крестьянамъ привиллегированныхъ въ податномъ отношеніи лицъ и учрежденій пріобрѣтать въ городахъ тяглыя имущества, производить здѣсь торговлю и брать откупа, о включеніи въ городское тягло всѣхъ безъ исключенія лицъ, живущихъ въ городахъ и подгородныхъ слободахъ и объ опредѣленіи законнаго размѣра городскихъ выгонныхъ земель. Двѣ недѣли спустя, именно 13 ноября, совокупныя челобитья представителей служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ людей докладывались Государю и Думѣ его членами редакціонной коммиссіи—князьями Одоевскимъ, Прозоровскимъ и Волконскимъ и дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ—и воспослѣдовавшій поэтому поводу царскій указъ и боярскій приговоръ утвердилъ всѣ ходатайства выборныхъ (¹). Это утвержденное въ законодательномъ порядкѣ челобитье выборныхъ [illegible] лю-

(¹) А. А. Э. IV, № 72 (I и II).

дей—дало содержаніе шести статьямъ XIX-ой главы Уложенія (ст. 1, 6, 7, 9, 10, 15) (¹); если же мы допустимъ въ общее число статей, почерпнувшихъ свое содержаніе изъ соборнаго челобитья 30 го октября, и статьи составляющія дальнѣйшее развитіе этихъ шести основныхъ статей (именно еще статьи 2—5, 8, 11, 12, 14, 16—17),—то общее число статей XIX главы, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому челобитью—дойдетъ до 16-ти. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ ходатайства выборныхъ, не дожидаясь окончательной санкціи и вступленія въ обязательную силу вновь составляемаго Уложенія,—данъ былъ указъ Сыскному Приказу о сыскѣ и отпискѣ на государя въ тягло слободъ, заведенныхъ около Москвы и другихъ городовъ, и всѣхъ людей, въ нихъ живущихъ, начиная съ 1613 года. Это распоряженіе дало поводъ новому челобитью соборныхъ людей. 25-го ноября били челомъ государю „всякихъ чиновъ выборные люди" объ отпискѣ на государя слободъ, и въ нихъ людей,—„безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ, . . . чтобъ впредь слободамъ со крестьяны и съ бобыли и съ закладчики, съ торговыми и ремесленными людьми . . . всѣмъ быть его государевымъ, а ничьимъ инымъ . . . чтобъ отъ той розни въ

(¹) *Статья 1-я:* «О слободахъ, которые слободы на Москвѣ патріаршіи и властелинскіе и монастырскіе и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей»; *статья 7-я:* «О слободахъ патріаршихъ и пр., которые устроены въ городѣхъ на государевыхъ посадскихъ земляхъ»; *статья 9-я:* «О патріаршихъ и пр. о селѣхъ и о деревняхъ, которые впредь [illegible] слободы в около посадовъ и пр.»; *статья 6-я:* «О выгонныхъ [illegible] около Москвы во всѣ [illegible]»; *статья 10-я:* «О выгонныхъ [illegible] городѣхъ»; *статья 15-я:* «О [illegible] и иныхъ чиновныхъ людѣхъ и крестьянахъ, которые на Москвѣ и по городомъ покупали и въ закладъ поимали тяглые дворы, и лавки, и дворы, и погребы каменные, и соляныя варницы, и торгуютъ всякими товарами».

его государствѣ никакой ссоры и розни межъ людьми не было"; это дополнительное челобитье шло на утвержденіе государя уже не черезъ редакціонную коммиссію, а черезъ Сыскной Приказъ, такъ какъ сюда переданъ былъ на исполненіе царскій указъ и боярскій приговоръ по основному челобитью. Это дополнительное челобитье, также утвержденное царемъ (1), вызвало къ жизни три новыя статьи XIX главы Уложенія (именно ст. 13, 18 и 20) (2), а если принять въ соображеніе статьи, составляющія ихъ дальнѣйшее развитіе (19, 21—34 ст.),—то мы найдемъ, что общее число статей, вызванныхъ челобитьемъ 25-го ноября—доходитъ до 18-ти. Такимъ образомъ челобитья выборныхъ людей отъ 30-го октября и 25 ноября были причиною изданія 9 статей XIX главы, непосредственно изъ нихъ вытекавшихъ, и 25 статей той же главы, составлявшихъ дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ девяти статей; если мы примемъ въ соображеніе, что дальнѣйшія статьи XIX-й главы, 35—39, имѣютъ непосредственное и тѣсное отношеніе къ предъидущимъ, а послѣдняя, 40-я, воспрещающая отчужденіе и закладъ Московскихъ дворовъ иноземцамъ, является отвѣтомъ на челобитье о томъ въ 1643 году Московскаго приходскаго духовенства, по всей вѣроятности подтвержденнаго на соборѣ выборными людьми (3)—то окажет-

(1) А. А. Э. IV, № 32 (III).

(2) *Статья 13-я*: «О Московскихъ и о городскихъ о тяглыхъ людѣхъ, которые . . . нынѣ живутъ въ закладчикахъ»; *статья 18-я*: «О закладчикахъ, которые взяты будутъ въ тягло»; *статья 20-я*: «О посадскихъ людѣхъ, которые живутъ нынѣ въ городѣхъ за патріархомъ и за властьми и за монастыри и за бояры и за окольничими и всякихъ чиновъ людьми въ слободахъ».

(3) Что весьма вѣроятно, въ видахъ общаго раздраженія противъ льготъ, предоставлявшихся иноземнымъ торговцамъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михаиловича.

ся, что вся XIX-я глава Уложенія, озаглавленная „О посадскихъ людяхъ“ и заключающая въ себѣ 40 статей, возникла (за исключеніемъ развѣ можетъ быть ст. 40-й, коренящейся въ предшествовавшемъ челобитьи духовенства) по иниціативѣ и при участіи выборныхъ соборныхъ людей, уже послѣ представленія кн. Одоевскимъ съ товарищами выработаннаго ими проекта Уложенія. Дѣятельное отношеніе выборныхъ къ вопросамъ, получившимъ свое разрѣшеніе въ XIX главѣ Уложенія—теперь должно быть вполнѣ понятно намъ: мы видѣли выше, что нестроенія во внутреннемъ быту городскихъ общинъ, обусловливавшіяся выходомъ посадскихъ людей изъ тяглъ и приливомъ къ посадамъ людей, не тянущихъ городскаго тягла, но тѣмъ не менѣе захватывавшихъ въ свои руки городскіе тяглые дворы, угодья и городскіе промыслы—съ самаго конца смутнаго времени вызывали жалобы посадскихъ людей и соотвѣтственныя имъ мѣропріятія правительства. Уложеніе 1649 года стремилось, хотя, какъ показываютъ событія второй половины XVII вѣка, и не вполнѣ удачно—положить предѣлъ этимъ нестроеніямъ, путемъ закрѣпленія посадскаго населенія и рѣзкаго отграниченія его отъ населенія уѣзднаго, волостнаго: Уложеніе положило начало городскому, въ извѣстномъ смыслѣ замкнутому, сословію.

Переходимъ къ слѣдующему весьма важному челобитью выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года. По свидѣтельству одного изъ дошедшихъ до насъ актовъ—„били челомъ Государю Ц. и В. К. Алексѣю Михаиловичу всея Русіи.... всѣ выборные люди ото всея земли.... чтобъ Государь указалъ у патріарха, и у властей, и у монастырей, и у протопоповъ и у поповъ вотчинныя земли

взять на себя Государя, которыя даваны съ 88 (1580) году . . . . и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, роздать по разбору служилымъ людямъ, безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ" (¹). Что бы понять истинный смыслъ этого челобитья выборныхъ людей, мы должны замѣтить, что въ эпоху изданія Уложенія монастыри и духовенство находились въ обладаніи огромныхъ массъ земель, съ которыхъ они, въ силу своего привиллегированнаго положенія, не платили податей и не отбывали никакихъ государственныхъ повинностей, распространяя эти льготы, въ силу получаемыхъ ими жалованныхъ грамотъ, и на людей живущихъ на ихъ земляхъ; къ этимъ льготамъ присоединялись еще обширные судебные иммунитеты. Само собою разумѣется, что лица тяглаго состоянія, прельщаемыя льготами предоставлявшимися людямъ, живущимъ за монастырями и духовенствомъ, и удрученныя тягостью падавшихъ на нихъ податей и повинностей—массами выходили изъ общинъ своихъ и закладывались за монастыри и за духовныхъ вотчинниковъ, въ ущербъ интересамъ покинутыхъ ими общинъ. Понятно, что подобный порядокъ вещей долженъ былъ внушать враждебное отношеніе тяглыхъ людей къ поземельному владѣнію духовныхъ лицъ и учрежденій; понятно, что увеличеніе количества вотчинныхъ земель подобнаго рода было не въ интересахъ и самаго правительства, исключая значительную массу земель какъ изъ тягла финансоваго, такъ и изъ тягла служебнаго. И вотъ мы видимъ что, начиная съ в. к. Іоанна III-го, нерѣдко принимаемы были мѣры къ секуляризаціи земель духовныхъ лицъ и

(¹) А. А. Э. IV, № 33.

учрежденій или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію для нихъ права пріобрѣтенія новыхъ вотчинъ, какъ по возмездным, такъ и по безвозмездным основаніямъ (напримѣръ въ видѣ вкладовъ частныхъ лицъ на поминъ души, „по душѣ"). Послѣднее ограниченіе духовенства въ правѣ пріобрѣтенія вновь вотчинъ установлено было соборнымъ приговоромъ 15-го января 1580 года (¹)—и его то и имѣютъ въ виду выборные люди земскаго собора 1648—1649 года, ходатайствуя о секуляризаціи вотчинныхъ земель, пріобрѣтенныхъ съ этого года монастырями и духовенствомъ и о запрещеніи подобныхъ пріобрѣтеній на будущее время. Челобитье выборныхъ было разрѣшено государемъ въ положительномъ смыслѣ лишь по отношенію ко второй половинѣ его, т. е. запрещенію пріобрѣтенія вотчинъ впредь,—и результатомъ этого явилась 42 статья XVII-й главы Уложенія и ея дальнѣйшее развитіе—статьи 43-я и 44-я (²); 42-я статья сама свидѣтельствуетъ намъ, что она „уложена соборомъ". По смыслу 42-й статьи, запрещено на будущее время духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ пріобрѣтеніе вотчинъ какъ путемъ купли, такъ и путемъ принятія ихъ на поминъ душъ,—а Помѣстному Приказу запрещено записывать въ книгахъ своихъ всякаго рода сдѣлки подобнаго рода. И такъ челобитье выборныхъ людей было удовлетворено въ настоящемъ случаѣ

(¹) Подробности въ изслѣдованіи проф. *А. С. Павлова*: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», Од. 1871 г.

(²) *Статья 42-я*: «Властемъ и въ монастыри вотчинъ всякихъ чиновъ людемъ не давати»; *статья 43-я*: «Будетъ кто вотчинникъ какова чину нибудь, или вдова, постригутся, а за ними будутъ родовые или выслуженые или купленые вотчины и пр.»; *статья 44-я*: «Будетъ которые вотчинники или вдовы постриглися до сего Государева указу, а вотчины за ними есть», (Общее заглавіе XVII главы: «О вотчинахъ»).

лишь на-половину: духовенству запрещено пріобрѣтать вотчины на будущее время, но распоряженія по секуляризаціи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ съ 1580 года—не воспослѣдовало и новому закону, не смотря на желаніе выборныхъ, не было придано обратной силы. Тѣмъ не менѣе правительство имѣло кажется первоначально намѣреніе удовлетворить и этой части челобитья земскаго собора: мы имѣемъ по крайней мѣрѣ дошедшую до насъ память Помѣстному Приказу отъ 9 ноября 1649 года, которою предписывается ему собрать и представить государю „вскорѣ" свѣдѣнія о количествѣ вотчинныхъ земель, пріобрѣтенныхъ монастырями и духовенствомъ съ 1580 года (¹). Весьма вѣроятно, что удовлетвореніе челобитья выборныхъ во всей полнотѣ его встрѣтило весьма естественный протестъ со стороны членовъ Освященнаго собора. Цитированная вами сейчасъ память скрѣплена дьякомъ Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ,—ясное доказательство того, что и это челобитье выборныхъ, подобно челобитью отъ 30-го октября, было докладываемо государю редакціонною коммиссіею; изъ этой же грамоты явствуетъ, что настоящее челобитье выборныхъ людей имѣло мѣсто до 9 ноября 1649 года.

Другимъ челобитьемъ соборныхъ людей, направленнымъ противъ привиллегій духовенства—является челобитье ихъ объ учрежденіи особаго Монастырскаго Приказа, время и условія подачи котораго государю совершенно неизвѣстны намъ. Извѣстно, что до изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, духовенство пользовалось особою льготою по отношенію къ его подсудности: судъ и расправа на пред-

(¹) А. А. Э. IV, № 33.

ставителей духовенства и на монастыри, какъ юридическія лица, а также и судъ на людей и крестьянъ, числившихся за ними или состоявшими на ихъ службѣ—давался исключительно въ Приказѣ Большаго Дворца, что служило выраженіемъ особаго вниманія къ духовенству со стороны представителей верховной власти. Подобное исключительное процессуальное положеніе духовенства не могло конечно нравиться земскимъ классамъ, причиняя большую волокиту въ судныхъ дѣлахъ съ духовенствомъ и числившимися за нимъ людьми и крестьянами: на духовенство и на лицъ послѣдняго рода нигдѣ, кромѣ названнаго приказа, нельзя было искать суда и расправы. Между тѣмъ, приступая къ составленію Уложенія, правительство основнымъ принципомъ этого законодательнаго сборника возвѣстило установленіе всякихъ чиновъ людямъ „отъ большаго и до меньшаго чина"—суда равнаго. Этому основному принципу сильно противорѣчили всякаго рода судебные иммунитеты, а въ томъ числѣ и особая подсудность духовенства. Поэтому не должно казаться удивительнымъ что, на земскомъ соборѣ 1648—1649 года, выборные люди били государю челомъ объ уничтоженіи этой исключительной подсудности. И вотъ, согласно челобитью выборныхъ людей,—о чемъ свидѣтельствуетъ само Уложеніе,—опредѣлено было учрежденіе особаго Монастырскаго Приказа, на который и перешли всѣ функціи Приказа Большаго Дворца, на сколько онѣ касались, какъ суда надъ лицами духовнаго вѣдомства (глава XIII-я „О Монастырскомъ Приказѣ", статья 1-я), такъ и общаго вѣданія дѣлъ, касавшихся духовенства. Ограниченіе исключительной подсудности лицъ духовнаго вѣдомства выразилось еще въ двухъ отношеніяхъ: по встрѣчнымъ искамъ разрѣ-

шено искать на представителяхъ духовенства, начиная съ сана архимандрита, а равно и на людяхъ и крестьянахъ всѣхъ духовныхъ властей вообще—въ общихъ приказахъ (гл. XIII-я, ст. 2-я); въ городахъ же право иска на числящихся за духовными лицами и учрежденіями людей и крестьянъ — уравнено съ правомъ иска на людей и крестьянъ всѣхъ вообще вотчинниковъ и помѣщиковъ (гл. XIII-я, ст. 3-я). Если мы примемъ во вниманіе, что остальныя четыре статьи XIII-й главы составляютъ лишь дальнѣйшее развитіе только что приведенныхъ первыхъ трехъ статей,—то должны будемъ признать, что вся XIII-я глава Уложенія возникла по иниціативѣ земскаго собора.

Послѣднее опредѣленіе Уложенія, относительно котораго существуютъ свѣдѣнія, что оно состоялось по челобитью извѣстнаго класса населенія—это первыя двѣ статьи XI-й главы („Судъ о крестьянѣхъ"), отмѣняющія прежній давностный срокъ, прежнія „урочныя лѣта" (въ 15 лѣтъ), установленныя указомъ отъ 1647 года для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ (¹). Но это челобитье было подано уже не при самомъ обсужденіи проекта Уложенія, а ранѣе, въ 156 (1648) году, слѣдовательно до 1-го сентября, до срока назначеннаго для съѣзда въ Москву выборныхъ земскаго собора 1648—1649 года. На это ясно указываетъ намъ грамота, изъ которой почерпается извѣстіе объ этомъ челобитьи, хотя здѣсь и говорится,—что оно подано „всѣхъ городовъ" служилыми людьми. Какъ слѣдуетъ понимать это загадочное свидѣтельство? Нельзя ли допустить предположенія, что представители служилыхъ людей, съѣхавшись въ Москву къ собору до 1-го

(¹) Подробности можно найти у Бѣляева: «Крестьяне на Руси», стр. 141—143.

сентября, слѣдовательно въ 1648 году, и принимая крайне близко къ сердцу важный для ихъ интересовъ вопросъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ—поторопились ударить объ этомъ челомъ еще до открытія соборной сессіи? Какъ бы то ни было, но ходъ челобитью этому данъ былъ уже во время обсужденія проекта Уложенія, по докладу членовъ редакціонной коммиссіи, кн. Одоевскаго съ товарищами и, по обсужденіи челобитья государемъ, членами освященнаго собора, боярами и думными людьми и служилыми людьми всѣхъ городовъ „которые били челомъ о бѣглыхъ крестьянахъ"— рѣшеніе по этому челобитью было „уложено соборомъ" (¹). Такимъ образомъ возникли 1-я и 2-я статьи XI-й главы Уложенія и до 12-ти статей той же главы, составляющихъ ихъ дальнѣйшее развитіе.

Таковы имѣющіяся въ дошедшихъ до нашихъ дней актахъ свѣдѣнія о статьяхъ Уложенія, возникшихъ по иниціативѣ выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года. Считаемъ совершенно излишнимъ распространяться на счетъ того, что эти немногіе, случайно дошедшіе до насъ акты—конечно не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ челобитій, поданныхъ выборными людьми, и вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не исчерпываютъ вопроса о законодательной иниціативѣ земскаго собора 1648—1649 въ дѣлѣ составленія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Поэтому,—разъ дошли до насъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ случаяхъ подобнаго рода —большее основаніе имѣемъ мы полагать, что общее число ихъ было значительнѣе, нежели допустить невѣроятное предположеніе, что бы этими случайными актами исчерпывались

(¹) А. И IV, № 30.

всѣ случаи вліянія собора на законодательныя опредѣленія Уложенія.

Въ доказательство того положенія, что многія статьи Уложенія составлены были, если и не по иниціативѣ земскаго собора, то во всякомъ случаѣ при его участіи,—хотя бы объ этомъ и не упоминалось въ самомъ текстѣ ихъ,—можемъ мы привести главу VIII Уложенія: „О искупленіи плѣнныхъ“ (изъ одной большей основной и шести весьма краткихъ дополнительныхъ статей), въ которой нѣтъ и помину о составленіи ея при участіи земскаго собора, т. е. послѣ 3-го октября. Между тѣмъ до насъ дошла позднѣйшая грамота по тому же вопросу, изъ которой обнаруживается, что постановленія этой главы уложены по совмѣстному совѣщанію государя съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ, боярами и думными людьми и „всякихъ чиновъ съ выборными людьми“ (¹). Основываясь на данномъ случаѣ, мы вправѣ допустить возможность, что и многія другія статьи составлены были при непосредственномъ участіи въ томъ выборныхъ людей, хотя въ самомъ текстѣ ихъ и не встрѣчается на то указаній.

Теперь, выяснивъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о статьяхъ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, составленныхъ, какъ при участіи земскаго собора 1648—1649 года вообще, такъ и по ихъ иниціативѣ его въ частности,—постараемся представить общіе числовые данныя относительно этого любопытнаго вопроса.

Они выразятся въ слѣдующихъ таблицахъ:

(¹) А. И. IV, № 43.

А. Статьи, составленныя при участіи земскаго собора и возникшія по его иниціативѣ.

Главы:	*Статьи:*	*Общее содержаніе:*
XI. «Судѣ о крестьянѣхъ» (всего 34 статьи).	Статьи, непосредственно вылившіяся изъ челобитій выборныхъ людей: 1 и 2. Ихъ дальнѣйшее развитіе, статьи 3—14. *Всего же до 14 статей.*	Отмѣна урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. (Челобитье до 1-го сентября).
XIII. «О монастырскомъ приказѣ» (всего 7 статей).	Статья, непосредственно вылившаяся изъ челобитья выборныхъ людей: 1. Ея необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи 2—7. *Всего же 7 статей.* Такимъ образомъ вся глава составлена послѣ 3-го октября.	Уничтоженіе подсудности духовенства приказу Больш. Дворца и ограниченіе его судебныхъ привилегій. (Время челобитья неизвѣстно).
XVII. «О вотчинахъ» (всего 55 статей).	Статья, непосредственно вылившаяся изъ челобитья выборныхъ людей; 42. Ея необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи 43 и 44. *Всего же 3 статьи.*	Запрещеніе пріобрѣтенія вотчинъ духовенствомъ (Челобитье до 9-го ноября).
XIX. «О посадскихъ людѣхъ» (всего 40 статей).	Статьи, непосредственно вылившіяся изъ челобитій выборныхъ людей: 1, 6, 7, 9, 10, 13, 15, 18 и 20. Ихъ необходимое дальнѣйшее развитіе, статьи: 2—5, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 19, 21—34. *Всего до 34 статей.* Болѣе нежели вѣроятно, что вся эта глава составлена послѣ 3-го октября.	Устройство посадскаго населенія и внутренняго быта городовъ. (Челобитья 30-го октября и 25-го ноября).

Такимъ образомъ иниціатива выборныхъ земскаго собора 1648—1649 г.,—на сколько можемъ судить по случайно сохранившимся извѣстіямъ—вызвала составленіе 58 статей Уложе-

нія, распредѣляющихся между четырьмя главами этого памятника и касающихся четырехъ весьма важныхъ вопросовъ внутренней жизни русскаго общества конца первой половины XVII-го столѣтія: a) устройства внутренняго быта городовъ, b) условій возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, c) ограниченія вотчинныхъ правъ духовенства и d) уравненія суда путемъ уничтоженія судебныхъ привиллегій. Двѣ относящіяся сюда главы—XIII и XIX—несомнѣнно составлены послѣ 3-го октября.

Б. Статьи, составленныя при участіи выборныхъ людей, но (на сколько по крайней мѣрѣ извѣстно) безъ непосредственной иниціативы ихъ.

Сюда относятся разсмотрѣнныя нами выше новые законодательные вопросы, которые велѣно было сформулировать кн. Одоевскому съ товарищами для „изложенія ихъ общимъ совѣтомъ", и VIII-ую главу „О искупленіи плѣнныхъ". Именно:

Главы:	*Статьи:*	*Общее содержаніе:*
VIII. „О искупленіи плѣнныхъ" (всего 7 статей).	Всѣ семь статей.	Опредѣленіе особаго сбора на выкупъ военно-плѣнныхъ.
X. „О судѣ" (всего 287 статей).	137, 146, 147, 149, 185, 236.	Гарантіи противъ злоупотребленій недѣльщиковъ при вызовѣ на судъ, возможность безволокитнаго полученія суда по „обиднымъ дѣламъ" на бояръ и приказныхъ людей, судебное представительство для лицъ не могущихъ лично отвѣчать на судѣ, форма судебной присяги въ поземельныхъ тяжбахъ.

XI. „Судъ о крестьянѣхъ“ (всего 34 статьи).	15—18 и 30.	О правахъ вотчинниковъ и помѣщиковъ на бѣглыхъ крестьянъ и запрещеніе перевода крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя.
XV. „О вершеныхъ дѣлахъ“ (всего 5 статей).	2 и 3.	Объ окончательной силѣ отпускныхъ и мировыхъ по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ, состоявшихся при прежнихъ владѣльцахъ.
XVII. „О вотчинахъ“ (всего 55 статей).	34 и 35.	Мѣры противъ обмановъ при отчужденіи вотчинъ собственниками.
XX. „О холопьѣ судѣ“ (всего 119 статей).	57 и 58.	Запрещеніе иска въ спосѣ отдѣльно отъ иска о бѣгломъ человѣкѣ и запрещеніе приказнымъ людямъ брать служилые кабалы на людей своего присуда.

Всего 24 статьи, распредѣляющіяся въ шести главахъ. Сводя обѣ росписи въ одну, найдемъ, что **вообще при участіи выборныхъ людей составлены слѣдующія статьи:**

Главы:	*Статьи:*	*Общее заглавіе главъ и общее число ихъ статей:*
VIII.	1—7.	„О искупленіи плѣнныхъ“ (7 ст.)
X.	137, 146, 147, 149, 185 и 236.	„О судѣ“ (287 ст.)
XI.	1—14, 15—18 и 30.	„Судъ о крестьянѣхъ“ (34 ст.)

XIII.	1—7.	„О Монастырскомъ Приказѣ“ (7 ст.)
XV.	2—3.	„О вершеныхъ дѣлахъ“ (5 ст.)
XVII.	34—35, 42—44.	„О вотчинахъ“ (55 ст.).
XIX.	1—34 (¹).	„О посадскихъ людѣхъ“ (40 ст.).
XX.	57—58.	„О холопьѣ судѣ“ (119 ст.).

Въ окончательномъ результатѣ получаемъ мы 82 статьи, размѣщенныхъ въ восьми главахъ, о которыхъ можно несомнѣнно утверждать, что онѣ составлены были при участіи выборныхъ людей земскаго собора 1648—1649 года,— что составляетъ почти 8,5% общаго количества статей Уложенія.

Таковы положительныя данныя, опровергающія теорію Строева и позднѣйшихъ послѣдователей ея о пассивномъ только участіи выборныхъ людей земскаго собора въ дѣлѣ составленія Уложенія 1649 года. Еще разъ повторимъ наше убѣжденіе, что этими случайно до насъ дошедшими данными—конечно не исчерпывается вся мѣра иниціативы и участія выборныхъ людей въ составленіи этого законодательнаго памятника, въ этомъ, по подлинному выраженію царскаго указа—„государевомъ и земскомъ великомъ царственномъ дѣлѣ“.

(¹) Выше высказали мы уже вѣроятное предположеніе, что вся XIX глава, въ полномъ ея составѣ, уложена при участіи земскаго собора.

Ознакомившись съ характеромъ участія выборныхъ земскаго собора 1648—1649 года въ дѣлѣ составленія Уложенія, мы можемъ теперь, пользуясь предисловіемъ къ этому памятнику и приведенными выше актами, дополняющими наши свѣдѣнія объ исторіи составленія его—*попытаться* разрѣшить нѣкоторые *вопросы, касающіеся внѣшней, формальной* стороны исторіи этого собора.

Первымъ поставимъ мы здѣсь вопросъ о продолжительности сессіи земскаго собора 1648—1649 года,—на который можетъ быть данъ впрочемъ лишь приблизительный отвѣтъ. Начало соборной сессіи извѣстно: выборнымъ предписано было неукоснительно съѣхаться въ Москву къ новому году, т. е. къ 1 сентябрю; это число и должно принять за начальный пунктъ сессіи. Но за то, при настоящемъ состояніи источниковъ, не представляется возможности опредѣлить времени окончанія сессіи; несомнѣнно однако то, что земскій соборъ былъ еще въ наличности въ концѣ ноября, такъ какъ 25 числа этого мѣсяца была подана выборными людьми челобитная. Не было окончено въ концѣ ноября и самое обсужденіе проекта Уложенія: это видно уже изъ предмета челобитья 25 ноября, касающагося статей XIX главы Уложенія: значитъ въ концѣ ноября обсуждалась только XIX глава сборника и собору предстояло еще обсудить почти треть всего Уложенія (по окончательной редакціи его). Такимъ образомъ, зная minimum продолжительности соборной сессіи (1 сентября—25 ноября), мы имѣемъ право предположить окончаніе ея развѣ только къ концу декабря,—а этимъ устраняется до извѣстной степени баснословная быстрота составленія и изданія Уложенія, такъ часто поражавшая изслѣдователей.

Относительно самаго порядка засѣданій земскаго собора дастъ намъ свѣдѣнія предисловіе къ Уложенію. Изъ него узнаемъ мы, что для обсужденія внесеннаго кн. Одоевскимъ съ товарищами проекта, земскій соборъ распался на два отдѣленія или палаты. Первую составили, подъ личнымъ предсѣдательствомъ царя, лица принимавшія участіе въ соборѣ поголовно, въ силу самаго званія своего—патріархъ, прочія высшія духовныя власти и члены Боярской Думы. Вторую, засѣдавшую въ Отвѣтной Палатѣ, составили выборные, засѣдавшіе на соборѣ уже по началу представительства; предсѣдательствовалъ ими, назначенный для того государемъ, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Чтеніе проекта производилось безъ сомнѣнія дьяками, участвовавшими въ коммиссіи для его составленія, при чемъ члены коммиссіи конечно давали и необходимыя объясненія относительно источниковъ и редакціи отдѣльныхъ статей; дачею подобнаго рода объясненій могутъ быть толкуемы указанія на источники, находящіяся, какъ мы выше видѣли, на подлинномъ уложенномъ столбцѣ. Сообразно разсужденіямъ и преніямъ соборныхъ людей, та или другая статья проекта отвергалась или принималась, опять таки или безъ всякихъ измѣненій, или съ нѣкоторыми перемѣнами и добавленіями,—конечно послѣ предварительнаго доклада дѣла Государю и Думѣ его. Если выборные люди, всѣ въ совокупности, или только извѣстная фракція ихъ, желали введенія въ проектъ какихъ либо новыхъ опредѣленій—они подавали о томъ письменное челобитье на имя государя; мы теперь уже знакомы съ этимъ видомъ дѣятельности выборныхъ людей. Такое челобитье принималось членами коммиссіи по составленіи проекта Уложенія—кн. Одоевскимъ съ

товарищами—и докладывалось ими Государю, который и обсуждалъ его съ Думою своею, послѣ чего, въ случаѣ утвержденія челобитья выборныхъ людей государемъ—сущность его редактировалась въ форму новыхъ статей, запосившихся въ составляемое въ окончательной редакціи Уложеніе (¹). Эти то обсужденныя, редактированныя въ окончательной формѣ и постепенно записывавшіяся статьи будущаго законодательнаго сборника—и составили вѣроятно къ концу соборной сессіи тотъ подлинный уложенный столбецъ, который былъ закрѣпленъ руками всѣхъ соборныхъ людей и хранится въ наши дни въ Московской Оружейной Палатѣ. На подобное соображеніе наводитъ самый внѣшній видъ уложеннаго столбца: онъ представляетъ весьма большое разнообразіе почерковъ (²) и только первыя десять главъ его имѣютъ заглавія и нумерацію статей, хотя и въ остальныхъ главахъ оставлены между статьями промежутки для позднѣйшей вставки соотвѣтствующихъ чиселъ (³); если бы этотъ столбецъ былъ составленъ единовременно, послѣ окончанія соборной сессіи, единственно для закрѣпленія его рукоприкладствами соборныхъ людей—ему постарались бы конечно придать болѣе тщательный видъ. Что соборнымъ людямъ дали закрѣпить рукоприкладствами ихъ именно тотъ столбецъ, который постепенно составлялся во время обсужденія проекта—въ этомъ, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего страннаго: соборная сессія затянулась и такъ долго,—пожелали скорѣе распустить выборныхъ и потому, не дѣлая

(¹) См. А. А. Э. IV, № 32 и А. И. IV, № 30.

(²) Забѣлинъ: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи и пр.», въ Архивѣ ист.-юрид свѣдѣній, кн. I, отд. II, стр.

(³) Строевъ: «Ист.-юрид. изслѣд. Уложенія», примѣч. 81.

новаго списка Уложенія, который пришлось бы снова читать и свѣрять съ подлинникомъ—дали подписать имъ подлинный столбецъ.

Закрѣпленіе уложеннаго столбца рукоприкладствами соборныхъ людей—было послѣднимъ актомъ дѣяній земскаго собора 1648—1849 года. Рукоприкладства соборныхъ людей находятся на оборотной сторонѣ столбца; здѣсь приложили руки: патріархъ Іосифъ, 2 митрополита, 3 архіепископа, одинъ епископъ, 5 архимандритовъ, одинъ игуменъ, 15 бояръ, 10 окольничихъ, одинъ казначей, одинъ думный дворянинъ, одинъ печатникъ, одинъ думный дьякъ, духовникъ государя, 5 московскихъ дворянъ, 118 городовыхъ дворянъ, 3 гостя, 12 выборныхъ отъ московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборныхъ отъ посадскихъ людей различныхъ городовъ и 15 выборныхъ отъ пятнадцати приказовъ Московскихъ стрѣльцовъ. Склейки отдѣльныхъ листковъ, изъ которыхъ составленъ весь столбецъ, имѣющій 434 аршина длины, скрѣплены съ обѣихъ сторонъ дьяками. На лицевой сторонѣ столбца находится скрѣпа думнаго дьяка Ивана Гавренева, на обратной сторонѣ его—скрѣпы думныхъ дьяковъ Ѳедора Елизарова и Михаила Волошенинова и рядовыхъ (простыхъ) дьяковъ—Гаврила Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова (¹); первые трое скрѣпили столбецъ въ качествѣ думныхъ дьяковъ, которые, какъ извѣстно, скрѣпляли всѣ государственные акты, двое же послѣднихъ скрѣпили его въ качествѣ дьяковъ редакціонной коммиссіи. Трое старшихъ редакторовъ—князья Одоевскій, Прозоров-

(¹) Всѣ эти свѣдѣнія см. у Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи и пр.» (Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній Калачова, кн. I).

ской и Волконской—приложили руки свои къ столбцу вмѣстѣ съ остальными членами Думы Боярской: приказная практика Московская предоставляла скрѣпу и припись грамотъ исключительно дьякамъ.

Съ закрѣпленнаго руками соборныхъ людей уложеннаго столбца переписано было Уложеніе „въ книгу", закрѣпленную дьяками Гавриломъ Леонтьевымъ и Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ,—а съ этой рукописной книги предпринято было печатаніе Уложенія. Несомнѣнно, что вступленіе Уложенія въ обязательную силу должно считать съ момента разсылки напечатанныхъ экземпляровъ его по приказамъ и городамъ (¹), исключая конечно тѣхъ частныхъ опредѣленій этого законодательнаго сборника, которые вошли въ обязательную силу раньше цѣлаго, составивъ предметъ отдѣльныхъ царскихъ грамотъ въ приказы и города, разосланныхъ до выхода всего сборника изъ печати. Такимъ порядкомъ, напримѣръ, совершилось вступленіе въ обязательную силу XIX главы Уложенія „о посадскихъ людяхъ", возникшей, какъ намъ уже извѣстно, по иниціативѣ выборныхъ людей, выразившейся въ подачѣ ими челобитныхъ отъ 30 октября и 25 ноября 1649 года. И вотъ, по утвержденіи этихъ челобитій государемъ и по окончаніи редакціонною коммиссіею формулировки сущности ихъ въ видѣ статей XIX главы Уложенія,—сдѣланы были послѣднія предметомъ содержанія особыхъ наказныхъ памятей; до насъ дошли двѣ подобныя грамоты, одна отъ февраля 1649 года, вторая—

(¹) «А закрѣпя то уложеніе руками, указалъ Государь списати въ книгу . . . . а съ тое книги, для утвержденія, на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы, напечатать многія книги, и всякія дѣла дѣлать по тому уложенію (предисловіе къ Уложенію)».

отъ января или февраля того же года (¹). Разсматривая содержаніе этихъ грамотъ (напримѣръ № 36, IV т. Актовъ Арх. Эксп.),—мы видимъ что онѣ составляютъ *буквальную* выписку всей XIX главы Уложенія, съ тѣмъ только отличіемъ отъ текста послѣдняго, что здѣсь содержаніе не разбито по отдѣльнымъ статьямъ. Точно также, по утвержденіи государемъ доложеннаго ему кн. Одоевскимъ съ товарищами челобитья выборныхъ отъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ и по „уложеніи соборомъ" соотвѣтствующихъ этому челобитью статей XI главы Уложенія—предписано было „съ нынѣшняго указу и съ соборнаго уложенія" послать во всѣ приказы списки, а изъ приказовъ, въ свою очередь, послать о томъ грамоты въ подвѣдомственные имъ города „чтобъ указъ и соборное уложеніе . . . . во всѣхъ приказѣхъ и въ городѣхъ и во дворцовыхъ селахъ было вѣдомо" (²). По счастливому случаю до насъ дошла одна изъ грамотъ послѣдняго рода: это грамота изъ Московскаго Суднаго Приказа Звенигородскому воеводѣ о возвращеніи впредь бѣглыхъ крестьянъ, со 2 января 1649 года, прежнимъ владѣльцамъ безъ урочныхъ лѣтъ; здѣсь сдѣлана ссылка именно на „царскій указъ и соборное уложеніе", сообщенное Московскому Судному Приказу памятью за приписью Гаврила Леонтьева—одного изъ членовъ редакціонной коммиссіи (³). Такимъ образомъ является несомнѣннымъ, что отдѣльныя части Уложенія, сдѣлавшись по ихъ утвержденіи предметомъ содер-

---

(¹) А. А. Э. IV, № 36 и А. И. IV, № 29.

(²) А. И. IV, № 30.

(³) Ibid.

жанія особыхъ грамотъ—получали обнародованіе и обязательную силу ранѣе своего цѣлаго, въ смыслѣ всего законодательнаго сборника.

Этотъ послѣдній фактъ въ свою очередь наводитъ насъ на небезъинтересныя соображенія относительно времени напечатанія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича.

Когда впервые напечатано было Уложеніе? На этотъ вопросъ весьма трудно отвѣтить: какая то пока необъяснимая таинственность скрываетъ отъ насъ обстоятельства, при которыхъ совершилось печатаніе этого памятника. Время изданія старопечатныхъ (до XVIII вѣка) книгъ Московской печати опредѣляется, какъ извѣстно, ихъ „выходами", помѣщаемыми преимущественно на послѣдней страницѣ книги, обычною формою которыхъ является слѣдующая: „Начата бысть печатаніемъ книга сія (слѣдуетъ подробное указаніе царствованія, имени патріарха, года, мѣсяца и числа) . . . совершена же бысть (слѣдуетъ таковое же подробное указаніе). . .", или: „Напечатана книга сія въ лѣто . . . (слѣдуетъ указаніе времени печатанія)". Въ Уложеніи подобнаго выхода не имѣется, а въ концѣ книги помѣщено слѣдующее послѣсловіе: „Совершена сія книга повелѣніемъ Великого Государя Царя и Великого князя Алексѣя Михаиловича, всея Руссіи Самодержца, въ третье лѣто Богомъ хранимыя его державы, и при сынѣ его Государевѣ Благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Димитріѣ Алексѣевичѣ въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157 (1649) генваря въ 29 день". Сопоставивъ это послѣсловіе съ слѣдующимъ мѣстомъ предисловія: „И по Государеву . . . . указу, то уложеніе на списокъ (уложенный столбецъ) написано . . . . И съ того уложенія списанъ списокъ въ книгу, слово въ слово.

А съ тое книги напечатана сія книга" (слова, набранныя курсивомъ, не находятся въ самомъ первомъ изданіи Уложенія славянской печати)—мы относимъ *datum* послѣсловія ко времени изготовленія рукописной книги, скрѣпленной дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, съ которой набиралось печатное Уложеніе,—куда и вошло оно изъ книги рукописной. Ниже увидимъ мы, что такъ называемое *первое* изданіе Уложенія (славянской печати)—на самомъ дѣлѣ составляется изъ двухъ изданій неизвѣстнаго времени, а между тѣмъ въ обоихъ изданіяхъ въ послѣсловіи время „совершенія" книги значится одно и тоже: ясно, что оно относится къ рукописной книгѣ. Наконецъ печатаніе Уложенія и *не могло* окончиться къ 29 январю 1649 года. Мы выше видѣли, что соборная сессія—а слѣдовательно и подписаніе выборными людьми уложеннаго столбца—не могла окончиться ранѣе конца декабря, а быть можетъ перенесена была еще и на январь. Но, допустивъ первое предположеніе, принявъ затѣмъ въ соображеніе наступившіе праздники и время необходимое для переписанія уложеннаго столбца въ книгу—мы получили бы для напечатанія Уложенія срокъ черезъ чуръ уже короткій. Но что положительнымъ образомъ противорѣчитъ предположенію о напечатаніи Уложенія въ январѣ 1649 года—это указанныя выше грамоты съ выписками изъ него, разосланныя въ январѣ и февралѣ 1649 года. Если въ январѣ Уложеніе уже набиралось и предвидѣлась возможность выпуска его изъ Печатнаго двора къ 29 январю—какая могла быть цѣль разсылки выписокъ изъ него, въ родѣ, напримѣръ, цѣлой XIX главы? Ясно, что въ январѣ 1649 года еще не приступали къ его печатанію, но важнѣйшія изъ его опредѣленій (напримѣръ о

крестьянахъ и посадскихъ людяхъ)—получили обнародованіе и обязательную силу въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ, сообщенныхъ приказамъ и городовымъ воеводамъ редакціонною коммиссіею (¹). Почему же такъ медлили выпускомъ въ свѣтъ печатнаго Уложенія? Отвѣтить на этотъ вопросъ опять мѣшаетъ таже таинственность, которою облечена исторія Уложенія послѣ распущенія земскаго собора. Быть можетъ будущему удастся разсѣять эту таинственность. При настоящемъ же состояніиисточниковъ, а въ особенности при тѣхъ матеріалахъ, которыми можно располагать въ отдаленной провинціи—сдѣлать это невозможно. Поэтому, избѣгая какихъ либо шаткихъ и натянутыхъ выводовъ—укажемъ лишь тѣ факты, которые невольно заставляютъ задуматься надъ исторіею Уложенія, послѣ момента закрѣпленія соборными людьми подлиннаго уложеннаго столбца.

Помѣты на поляхъ уложеннаго столбца. На подлинномъ уложенномъ столбцѣ, хранящемся въ Оружейной Палатѣ, противъ трехъ статей (²) находятся неизвѣстно кѣмъ сдѣланныя замѣтки, именно: „попомнить", „поговорить о той статьѣ съ бояры", „поговорить съ бояры",—которыя сдѣланы вѣроятно послѣ закрѣпленія столбца и судя по выраженію помѣтъ, съ вѣдома государя, если только не имъ самимъ. Эти помѣты показываютъ, что уже немедлен-

---

(¹) Печатные экземпляры Уложенія разосланы были по городамъ не ранѣе конца 1649 г. (по современному намъ лѣтоисчисленію, и начала 1650 г.—по старому). По крайней мѣрѣ мы имѣемъ грамоту Илимскому воеводѣ о высылкѣ въ Илимскій острогъ «и въ другіе города» печатныхъ экземпляровъ Уложенія, помѣченную только 19-мъ генваря 1650 года. (См. П. С. З. № 23).

(²) 111-й и 189 статей X-й главы и 40-й статьи XVI-й главы.

по по окончаніи составленія Уложенія, явилась мысль о пересмотрѣ нѣкоторыхъ его опредѣленій. Впрочемъ сдѣланное нами сличеніе перваго, неисправленнаго, изданія Уложенія церковнославянскимъ шрифтомъ, съ исправленнымъ вторымъ таковымъ же изданіемъ его—не обнаружило никакого измѣненія въ первоначальной редакціи этихъ статей.

Два изданія Уложенія въ царствованіе Алексѣя Михаиловича и ихъ варіанты. Общепринятое въ наукѣ исторіи русскаго права мнѣніе, будто первымъ печатнымъ изданіемъ Уложенія 1649 является изданіе его въ царствованіе Алексѣя Михаиловича церковно-славянскими буквами, а вторымъ — С.-Петербургское изданіе его въ 1737 году гражданскими буквами,—совершенно невѣрно. При ближайшемъ разсмотрѣніи различныхъ экземпляровъ *такъ называемаго* перваго изданія оказывается, что оно состоитъ изъ двухъ, въ короткое время одно за другимъ слѣдовавшихъ изданій, такъ что изданіе гражданскимъ шрифтомъ 1737 года—является въ сущности уже третьимъ изданіемъ. Различіе обоихъ изданій Уложенія царствованіи Алексѣя Михаиловича указано *Сахаровымъ* во второй книгѣ перваго тома его „Обозрѣнія славяно-русской библіографіи“ (Спб. 1849 г., стр. 165),—но авторъ указываетъ здѣсь лишь весьма небольшое количество признаковъ, по которымъ различаются оба изданія, упустивъ при томъ изъ виду то весьма важное обстоятельство, что различіе это идетъ дальше нѣкоторыхъ, чисто-внѣшнихъ, особенностей обоихъ изданій: они различаются и со стороны внутренняго содержанія нѣкоторыхъ статей.

Укажемъ прежде всего внѣшнія особенности обоихъ изданій, по которымъ они различаются между собою:

1. Въ обоихъ изданіяхъ находимъ мы огромное различіе въ наборѣ и, между прочимъ, различный переносъ текста съ одной строки на другую. Послѣднее различіе, за небольшими исключеніями, проходитъ черезъ весь сборникъ, такъ что не представляется никакой возможности перечислить всѣ случаи подобнаго рода.
2. Въ обоихъ изданіяхъ, въ началѣ нѣкоторыхъ главъ, поставлены различныя заставки и красныя буквы (напр. листы 62, 66, 67 обор., 71, 74 об., 85, 86, 93, 180, 183 обор., 188 и мн. др.).
3. Въ первомъ изданіи неопредѣленное наклоненіе глаголовъ вездѣ имѣетъ окончаніе *ти*, напр. ѣхати, вершити, судити, допрашивати и т. п.; во второмъ изданіи оно вездѣ замѣнено окончаніемъ *ть*,—ѣхать, вершить, судить, допрашивать (наприм. листа 25: строка. 2—3, строка 15, 17; л. 75, 118 и мн. др.).
4. Въ первомъ изданіи многія опечатки затерты черною краскою (наприм. листъ 61, шестая строка снизу, л. 263 обор., шестая строка снизу, л. 281 об., первая строка снизу, л. 285, первая строка сверху, л. 332, двѣнадцатая строка снизу и др.). Во второмъ изданіи онѣ выправлены.
5. Въ первомъ изданіи на листѣ 285 исправлены числа статей пг и пд, ошибочно набранныя пк и пг; во второмъ изданіи эти опечатки выправлены.
6. Въ первомъ изданіи на 6-омъ листѣ, десятая строка сверху, напечатано: „христіянь“; на 26-мъ л., вторая строка снизу: „ни буди“; на 28-мъ л., двѣнадцатая строка сверху: „послѣ“; на 80-мъ л., девятая строка сверху: „которыя“; на 82 л., одинадцатая строка сверху:

„вдвое“; на 89 л. обор., одинадцатая строка снизу: „впредь“. Во второмъ изданіи эти слова исправлены: „крестьянъ“, „нибудь“, „после“, „которые“, „въ двое“, „въ передъ“.

7. Самыми рельефными и бросающимися въ глаза отличіями, по которымъ съ перваго взгляда могутъ быть различены оба изданія Уложенія XVII вѣка,—слѣдующія: а) На первомъ листѣ перваго изданія, послѣдняя строка: „комъ дѣлѣ бити челомъ“, во второмъ изданіи—„о какомъ дѣлѣ бити челомъ“; в) въ первомъ изданіи предисловіе къ Уложенію начинается на лицевой сторонѣ 62-го полулиста, во второмъ изданіи—на обратной сторонѣ 61-го полулиста: с) Послѣдняя строка послѣдней страницы перваго изданія заключаетъ одно слово—„день“; во второмъ изданіи слова: „к (вмѣсто в) 29 день“.

Считаемъ невозможнымъ указывать остальныя формальныя различія обоихъ изданій, такъ какъ пришлось бы наполнить этими указаніями нѣсколько страницъ.

Переходимъ къ указанію варіантовъ въ матеріальномъ содержаніи нѣкоторыхъ статей Уложенія обоихъ изданій временъ Алексѣя Михаиловича.

Еще въ 1767 г. исторіографъ Миллеръ, изслѣдуя по порученію императрицы подлинный уложенный столбецъ, найденный въ этомъ году въ бывшемъ Казенномъ приказѣ вмѣстѣ съ современнымъ Алексѣю Михаиловичу печатнымъ экземпляромъ Уложенія, съ которымъ онъ хранился тамъ въ особомъ желѣзномъ сундукѣ, и сличая этотъ печатный экземпляръ Уложенія съ позднѣйшимъ изданіемъ его 1737 года—усмотрѣлъ варіанты въ содержаніи нѣкоторыхъ статей обоихъ изданій. Затѣмъ, въ новѣйшее время, имен-

но въ 1850 г., г. Забѣлинъ напечаталъ въ приложеніи къ своей статьѣ „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михаиловича“ (¹) списокъ усмотрѣнныхъ Миллеромъ варіантовъ, подъ заглавіемъ: „Варіанты печатнаго Уложенія изданій 7157 и 1737 г.“ Сличая въ послѣднее время листъ за листомъ первые два изданія Уложенія XVII-го вѣка (которыя обыкновенно, какъ мы видѣли, принимаютъ ошибочно за одно)—мы пришли къ выводу, что указанными варіантами различаются именно эти два первыя изданія памятника, оба выпущенныя при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, причемъ второе изъ этихъ изданій — тожественно по тексту, какъ съ изданіямъ 1737 г., такъ и со всѣми послѣдующими. Такимъ образомъ, если мы сличимъ съ изданіемъ 1737 г. и послѣдующими—первое изданіе временъ Алексѣя Михаиловича, мы увидимъ эти варіанты; если же мы сличимъ съ ними второе изданіе Уложенія временъ Алексѣя Михаиловича (внѣшнія отличія котораго отъ перваго выше указаны нами)—мы не найдемъ никакой разницы въ текстѣ. Слѣдовательно различія текста изданія XVII-го вѣка и 1737 г., указанное Миллеромъ,—коренится въ различіи текста двухъ первыхъ изданій временъ царя Алексѣя; Миллеру попался въ руки экземпляръ именно перваго изданія XVII-го вѣка— и вотъ источникъ заблужденія Забѣлина, повторившаго выводъ Миллера и заявившаго о различіи въ текстѣ изданій Уложенія *1649* и 1737 годовъ: Забѣлину было неизвѣстно различіе обоихъ изданій XVII-го вѣка.

(¹) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова. кн. 1-я (Спб. 1850).

Укажемъ варіанты въ текстѣ двухъ первыхъ изданій Уложенія, отпечатанныхъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ:

а) Во второмъ изданіи, на оборотѣ 64-го полулиста, въ концѣ втораго отрывка, стоятъ слова: „*а съ тое книги напечатана сія книга*". Въ первомъ изданіи этихъ словъ нѣтъ.

в) Въ первомъ изданіи, въ 25 статьѣ X-ой главы (оборотъ 100-го листа), при исчисленіи дней въ году, въ которые запрещается сидѣть въ приказахъ, находится много прибавленій сравнительно со вторымъ изданіемъ часто не имѣющихъ логической связи съ общимъ содержаніемъ этой статьи; выписывая текстъ этихъ опредѣленій, мы отмѣчаемъ курсивомъ всѣ прибавленія, исключенныя во второмъ изданіи:

„Въ день Рожества Христова *съ предпразднествомъ*".

„Въ день святаго Богоявленія *съ предпразднествомъ*, и въ иные *Владычныя и* въ Господскіе праздники".

„Сырная недѣля *вся въ чистотѣ*".

„Первая недѣля великого поста *отнюдъ не пити*".

„Страстная недѣля *такожъ; а въ четвертокъ великій въ баняхъ не париться*".

„Седмь дней по Пасцѣ".

„*Да въ Вознесеніевъ день бань не топити жъ, и на Успеніе и Рожество Іоанна Предтечи на пирища не ходить*".

„Да въ который день приспѣетъ праздникъ день рожденія государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Русіи, и его благовѣрныя царицы и великія княгини Маріи Ильичны и ихъ благородныхъ чадъ. *Да въ Петровъ постъ во многихъ городѣхъ, заговѣвъ, въ пер-*

вой понедѣльникъ бѣсятся и играютъ,—и то искоренить проклятое дѣло".

c) Въ 28-й статьѣ X-ой главы (оборотъ 101-го листа) въ первомъ изданіи напечатано: „и за митрополичье, и за архіепископле безчестье . . .“; во второмъ изданіи: „и за митрополичье, и за архіепископле *и за епископле* безчестье . . .“.

d) Въ 30-й, 83-й, 91-й и 158-й статьяхъ X-ой главы (листы 101 об., 107, 108 об. и 133 об.), при исчисленіи размѣра платы за безчестье, въ имѣвшемся у насъ подъ руками экземплярѣ *перваго изданія*—гости поставлены ниже всѣхъ другихъ чиновъ; *во второмъ* же изданіи гости поименованы выше, между Московскими дворянами и дьяками (¹).

e) Въ 5-й статьѣ XIV-й главы (оборотъ 184 листа) во второмъ изданіи находится слѣдующая, отмѣченная ниже курсивомъ, прибавка сравнительно съ первымъ изданіемъ:

(¹) Это измѣненіе объясняется тѣмъ, что въ 1649 г. гости били челомъ государю на дьяковъ Г. Леонтьева и Ѳ. Грибоѣдова въ томъ что они, желая «ихъ гостей затѣснить», написали ихъ чинъ въ Уложенной книгѣ ниже всѣхъ другихъ чиновъ. Въ результатѣ этого челобитья явилось то, что дьяку печатнаго двора, Мих. Ерофѣеву, велѣно было перепечатать соотвѣтствующіе листы Уложенія, поставивъ при этомъ чинъ гостей выше дьяковъ. Впрочемъ нѣкоторые экземпляры Уложенія перваго изданія успѣли выйти въ свѣтъ до этой перепечатки: таковъ экземпляръ, которымъ я пользовался при настоящей работѣ, принадлежащій Д. А. Корсакову. Такимъ образомъ должны существовать экземпляры *перваго* изданія Уложенія, въ которыхъ тѣмъ не менѣе чинъ гостей поставленъ выше чина дьяковъ, т. е. перепечатаны листы 101, 107, 108 и 133-й (см. П. С. З. № 247; Иванова: Опис. Госуд. Разр. Архива, стр. 345). Слѣдовательно этотъ варіантъ не можетъ еще быть рѣшающимъ для опредѣленія перваго изданія Уложенія.

"...и учнетъ бити челомъ, чтобъ ему съ чужеземцомъ въ вѣре дати жеребей *кому крестъ цѣловать*, и имъ въ томъ дати жеребей..."

f) Въ 10-й статьѣ XIV-ой главы, въ обоихъ изданіяхъ, замѣчаются слѣдующіе варіанты:

Первое:

«А въ правилѣхъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ про крестное цѣлованіе написано»:

«А будетъ крестьянинъ крестьянина напрасно приведетъ къ крестному цѣлованію и велитъ крестъ поцѣловати, и онъ крестъ поцѣлуетъ на томъ, что онъ правъ, и такимъ въ церковь Божію не входити, и въ домы ихъ попомъ не приходити и свята у нихъ не говорити и свѣщи и просвиры и на молебенъ и на литургію приносу у нихъ не пріимати».

«А будетъ вельможа..., и ихъ потому же попомъ въ церковь Божію не пущати».

«А кто крестъ поцѣлуетъ на кривѣ, и тому тридесять лѣтъ епитемьи, къ церкви не приходити, а приносу отъ нихъ попомъ не пріимати, ни въ домъ къ нимъ не приходити и молитвы имъ не давати».

Второе:

«А въ правилѣхъ Святыхъ Отецъ про крестное цѣлованіе написано»:

«А будетъ крестьянинъ крестьянина напрасно приведетъ къ крестному цѣлованію и велитъ крестъ поцѣловати, а онъ крестъ поцѣлуетъ на томъ, что онъ правъ, и таковаго, по нужди маленьшагося, Великій Василій на шесть лѣтъ запрещенію подлагаетъ, сирѣчь отъ церкве отлучаетъ, по осмь есятъ второму правилу своему».

«А будетъ вельможа,... и таковыхъ священникомъ въ церковь Божію не пущати».

«А кто крестъ поцѣлуетъ на кривѣ (*на поляхъ припечатано:* клянется во лжю), и тому Великій Василій, въ шестьдесятъ четвертомъ своемъ правилѣ, полагаетъ запрещеніе на десять лѣтъ; два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ Божественныхъ писаній, четыре лѣта да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными и потомъ Божественнаго Причащенія причастится».

О томъ же царя Льва Премудраго (*на поляхъ припечатано:* Матер. составъ 5 листъ 114) новая заповѣдь 72-я повелѣваетъ клянущемуся во лжи языкъ урѣзати, аще послѣ обличенъ будетъ».

«А кто проситъ покаянія, и попъ ему заповѣдаетъ тридесять лѣтъ сухо ясти; въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ единою днемъ хлѣбъ съ укропомъ, во вторникъ въ четвертокъ дважды днемъ съ варивомъ безъ масла, а дары ему дати при смерти по нужди. И того подобаетъ отцемъ духовнымъ дѣтей своихъ духовныхъ поучати».....	А кто покаянія проситъ, и попъ дастъ ему заповѣдь, на та лѣта, въ понедѣльникъ въ среду и въ пятокъ единою днемъ ясти хлѣбъ съ укропомъ, во вторникъ же и въ четвертокъ дважды съ варивомъ безъ масла.
«.... и отъ недугъ всяческихъ исцѣлевается; не съ вѣрою же и не истиннѣ, но на лжѣ цѣлуяй крестъ, и той убо лжи общникъ есть и не исцѣльно вреждаетъ себѣ».....	«.... и отъ недугъ всяческихъ исцѣливаетъ; а невѣрою и не истиннѣ на лжи цѣлуяй крестъ, и той бо лжи обѣщникъ есть и не исцѣльно вреждаетъ себѣ»....
«А которые люди къ кому приставятъ не въ большихъ искѣхъ меньши рубля, и тѣмъ давати въ иску ихъ жеребей»...	«А которые люди къ кому приставятъ не въ большихъ искѣхъ въ рублѣ или меньши рубля, и тѣмъ давати въ иску ихъ жеребей».
«А кто учнетъ искати рубля, и въ томъ иску давати крестное цѣлованіе».	«А кто учнетъ искати болши рубля, и въ томъ иску давати крестное цѣлованіе».

Таковы внѣшнія и матеріальныя различія между обоими изданіями Уложенія эпохи царя Алексѣя Михаиловича, которыя принимаютъ обыкновенно за одно изданіе. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ одну особенность, общую обоимъ изданіямъ XVII-го вѣка: въ экземплярахъ этихъ двухъ изданій нѣтъ 65-го листа; на оборотѣ 64-го листа кончается предисловіе, а непосредственно за нимъ, на лицевой сторонѣ 66-го листа—начинается первая глава Уложенія.

Что касается вопроса о промежуткѣ времени, раздѣлявшемъ выходъ въ свѣтъ обоихъ изданій Уложенія временъ царя Алексѣя Михаиловича,—то слѣдуетъ замѣтить, что онъ не могъ быть продолжителенъ, не болѣе 3—5 лѣтъ. На это указываетъ сличеніе обоихъ изданій: въ обоихъ най-

дёмъ мы одну и ту же бумагу, тотъ же самый шрифтъ, во многихъ мѣстахъ тѣже самыя заставки и красныя буквы (наприм. начало главы XX-й). На это указываетъ намъ и отсутствіе выхода у втораго изданія,—ясно, что издатели желали сами пріурочить его къ первому изданію. Сохранена вездѣ также самая нумерація листовъ, сохраненъ даже пропускъ 65 го листа, сохраненъ по возможности одинъ и тотъ же шрифтъ, вообще, за исключеніемъ указанныхъ выше поправокъ и измѣненій текста—приняты всѣ мѣры для возможнаго замаскированія втораго изданія; что цѣль эта была достигнута удовлетворительна,—на это указываетъ намъ уже то, что до сихъ поръ развѣ только самые рьяные библіофилы знали о существованіи *двухъ первыхъ* изданій Уложенія.

Что касается наконецъ вопроса о причинахъ появленія втораго изданія—то мы врядъ ли ошибемся, поставивъ его въ связи съ горячею дѣятельностью патріарха Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ. Если такъ, то время выхода втораго изданія должно быть отнесено къ промежутку времени отъ 1652 г. (принятіе Никономъ патріаршества) до 1658 г. (разрывъ между царемъ и патріархомъ) Извѣстно, что новый законодательный памятникъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе Никона и всего духовенства нѣкоторыми мѣрами, предпринятыми къ ограниченію привиллегій послѣдняго. Въ своихъ отвѣтахъ Стрѣшневу и Паисію, бывшій патріархъ рѣзко высказываетъ всю свою желчь противъ Уложенія, называя его опредѣленія „ложнымъ и проклятымъ списаніемъ“, „дьявольскимъ закономъ“, „беззаконной книгой“ и т. п., не щадя и князя Одоевскаго, котораго онъ называетъ „лжи предтечею“, „списателемъ неправ-

ды и беззаконія", „богопротивникомъ", „богоборцемъ и истиноборцевъ", „разорителемъ Евангельскихъ заповѣдей", „попирателемъ православной вѣры" и надѣляетъ т. п. нелестными эпитетами. (¹). Затѣмъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху (1666 г.), Никонъ говоритъ объ Уложеніи, что въ немъ „все ложно, св. Апостолъ и св. Отецъ правиломъ и прежнихъ греческихъ царей закономъ противно и о святой церкви и о священномъ чину... и ина многа пребеззаконнія, слика суть въ той книгѣ писана, не возмогохъ писати множества ради". Поэтому не удивительно что, взойдя на патріаршій престолъ, Никонъ употреблялъ все свое вліяніе на то, что бы убѣдить царя отмѣнить силу Уложенія: „И о сей проклятой книгѣ многажды глаголахомъ царскому величеству, чтобъ искоренить ее—пишетъ далѣе Никонъ цареградскому патріарху—и да держитъ Божественныя и св. Евангелія заповѣди и св. Апостолъ и св. Отецъ правила и древнихъ благочестивыхъ царей законы". (²) Не смотря на дружбу патріарха съ царемъ—ему не удалось склонить послѣдняго къ „искорененію" Уложенія и даже къ уничтоженію Монастырскаго приказа; впрочемъ царь сдѣлалъ любимцу своему одну уступку: въ 1654 г. разосланы были воеводамъ выписки изъ Кормчей книги въ дополненіе къ уголовнымъ законамъ Уложенія (³). Сдѣлалъ онъ ему быть можетъ и другую уступку: дозволилъ перепечатать Уложеніе съ нѣко-

---

(¹) Записки отдѣленія рус. и слав. археологіи Императ. Рус. Арх. Общества, т. II., стр. 423—498.

(²) Записки Отдѣл. рус. и слав. археологіи, т. II, стр. 318—319.

(³) См. мою «Исторію права Москов. государства», т. I. (Каз. 1877) стр. 129.

торыми исправленіями первоначальнаго текста. Таково вѣроятное происхожденіе двухъ первыхъ изданій Уложенія и замѣчаемыхъ въ нихъ варіантовъ текста.

Можно впрочемъ допустить и другое объясненіе причины появленія двухъ первыхъ изданій Уложенія, съ усматриваемыми въ нихъ варіантами текста. Это объясненіе, какъ сейчасъ увидимъ, строится нами на предположеніи умышленной порчи текста уложеннаго столбца при первоначальномъ печатаніи Уложенія. Извѣстно, что изданіе Уложенія и сдѣланныя вступленіемъ его въ обязательную силу гражданскія преобразованія—возбудили сильное неудовольствіе въ извѣстной части населенія; по архивнымъ свѣдѣніямъ Соловецкаго монастыря видно, что бояринъ и дворецкій князь Алексѣй Михаиловичъ Львовъ и съ нимъ до 150 другихъ лицъ—были заточены здѣсь, какъ за недовольство гражданскими преобразованіями, такъ и церковнымъ исправленіемъ книгъ (¹). Извѣстно также, что тотъ же бояринъ князь А. М. Львовъ, состоя во время патріаршества Іосифа, а слѣдовательно и въ эпоху составленія Уложенія завѣдующимъ Печатнымъ дворомъ, будучи ревностнымъ адептомъ начинающагося раскола—умышленно допускалъ ложныя вставки и прибавленія въ печатавшіяся у него книги (²). Возникаетъ теперь вопросъ: не умышленно ли иска-

---

(¹) *Муравьевъ*: Расколъ, обличаемый своею исторію (Спб. 1854), стр. 33; *Щаповъ*: Земскій соборъ 1648—1649 г. (Отеч. Зап. 1862 г. № 11, стр. 6).

(²) Муравьевъ: Расколъ и пр., стр. 40—41 и 64. Извѣстно, что кн. Львовъ и сосланныя съ нимъ лица, разжигая страсти противъ исправленныхъ книгъ—подготовили знаменитый раскольничій Соловецкій бунтъ. По послужнымъ спискамъ (Древ. Росс. Вивліоѳика, т. XX, втор. изд.) кн. Львовъ отставленъ въ 1652 году.

женъ при печатаніи, съ вѣдома князя Львова, первоначальный текстъ уложеннаго столбца, вслѣдствіе чего и оказалось необходимымъ приступить уже вскорѣ ко второму исправленному изданію, а для того чтобы не возбудить по этому поводу толковъ, замаскировать это послѣднее? На этотъ весьма интересный вопросъ можетъ дать отвѣтъ лишь тщательное сличеніе текста подлиннаго уложеннаго столбца съ текстами двухъ первыхъ изданій. Если онъ окажется одинаковымъ съ первымъ неисправленнымъ изданіемъ—съ памяти кн. Львова должно быть снято подозрѣніе въ подлогѣ и исправленіе первоначальнаго текста явится дѣломъ патріарха Никона; если же текстъ столбца окажется тожественнымъ со вторымъ исправленнымъ изданіемъ—оправдается наша гипотеза объ умышленной порчи первоначальнаго текста при самомъ печатаніи Уложенія.

Любопытно было бы выяснить, на сколько рѣдко встрѣчается неисправленное первое изданіе Уложенія, сравнительно со вторымъ исправленнымъ изданіемъ его? Не было ли оно отобрано въ приказахъ и отъ воеводъ, съ замѣною новымъ изданіемъ, вслѣдствіе чего до насъ могли дойти лишь экземпляры, разошедшіеся между частными лицами, да сохраненные раскольниками? Для настоящей работы могли мы имѣть подъ руками лишь три экземпляра такъ называемаго перваго изданія Уложенія, обязательно предоставленные намъ для изслѣдованія профессорами Казанскаго Университета Д. А. Корсаковымъ, Н. А. Кремлевымъ и С. М. Шпилевскимъ, и кромѣ того рукописный экземпляръ Уложенія, письма первой половины прошедшаго столѣтія, принадлежащій проф. С. М. Шпилевскому. Кромѣ того имѣемъ мы свѣдѣнія еще объ одномъ экземплярѣ Уложенія изданія XVII вѣка, при-

надлежащемъ одному изъ казанскихъ букинистовъ; этотъ экземпляръ, по словамъ видѣвшаго его С. М. Шпилевскаго, ничѣмъ не отличается отъ его собственнаго экземпляра. Въ результатѣ нашихъ работъ оказалось, что одинъ лишь экземпляръ Д. А. Корсакова представляетъ собою неисправленный экземпляръ перваго изданія (¹); всѣ же остальные относятся ко второму исправленному изданію. Любопытную особенность представляетъ рукописный экземпляръ С. М. Шпилевскаго: самый текстъ Уложенія представляетъ списокъ съ перваго неисправленнаго изданія, а предисловіе къ нему—со втораго исправленнаго изданія (²).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что и экземпляры самаго перваго изданія (неисправленнаго) должны представлять между

(¹) Въ этомъ экземплярѣ не перепечатаны даже листы 101, 107 108 и 133, которые были перепечатываемы по челобитью гостей еще въ 1649 году (см. выше примѣчаніе на стр. 75).

(²) Этотъ списокъ невольно заставляетъ задуматься надъ собою. Зачѣмъ было предпринимать этотъ громадный трудъ въ первой половинѣ XVIII-го стол.,—когда за 3 р. 50 к. можно было (см. ниже) пріобрѣсти печатный экземпляръ,—да вдобавокъ еще съ неисправленнаго экземпляра списавъ вмѣстѣ съ тѣмъ предисловіе съ исправленнаго изданія (здѣсь находятся характерныя для послѣдняго слова: «а съ тое книги напечатана сія книга»)? Не была ли эта рукопись плодомъ труда какого либо раскольника XVIII-го вѣка, ревнителя старыхъ, неисправленныхъ текстовъ? Имя списателя рукописи не указано. На послѣдней бѣлой страницѣ ея находимъ мы лишь слѣдующія приписки: «Сіе уложеніе с печатнымъ чтено слово в слово». Ниже, и затѣмъ на оборотѣ, другимъ почеркомъ и чернилами: «А печатному Уложенію бываетъ цена в Москве, когда бывае ъ кто купить нибудь, три рубли петдесятъ копеекъ»; «Сіе Уложеніе Чебоксарскаго купца Петра Михайлова сына Арзамасцева, а куплено в городе Свіяжскомъ въ монастыре у діякона Ѳедота Михайлова въ 776 году сентября 20 числа. Подписалъ Петръ Арзамасцевъ своеручно». Было бы не безъинтересно изслѣдовать другіе рукописные списки Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, сличая ихъ съ двумя первыми печатными изданіями его.

собою различіе: въ однихъ экземплярахъ, случайно проскользнувшихъ въ свѣтъ, гости исчислены на листахъ 101 обор., 107, 108 обор. и 133 обор.—ниже всѣхъ прочихъ чиновъ; въ другихъ экземплярахъ эти листы перепечатаны и гости поставлены между Московскими дворянами и дьяками При тщательномъ изслѣдованіи нѣсколькихъ экземпляровъ перваго изданія—окажутся быть можетъ и другія частныя исправленія въ текстѣ его (¹).

Въ заключеніе еще разъ позволю себѣ высказать мое убѣжденіе относительно необходимости новаго, кореннаго пересмотра вопроса о составленіи и изданіи Уложенія царя Алексѣя Михаиловича. Рѣшеніе этого вопроса нужно искать уже не въ изданныхъ печатныхъ источникахъ,—но въ архивныхъ матеріалахъ, которыми такъ богата наша первопрестольная столица. Не слѣдуетъ изъ ложнаго и вреднаго для интересовъ науки самолюбія—оставлять вопроса открытымъ, слѣпо отстаивая разъ высказанныя неправильныя, по собственному убѣжденію изслѣдователя, мысли; приступая къ настоящему изслѣдованію, и я долженъ былъ, хотя и не безъ нѣкотораго ущерба для своего самолюбія, взять назадъ многое изъ того, что было высказано мною по

(¹) Экземпляръ перваго изданія Д. А. Корсакова, при его разсмотрѣніи, именно наводитъ на мысль о перемѣнѣ и вставкѣ въ него нѣкоторыхъ листовъ послѣ окончанія печатанія. Такъ напр. на 64 листѣ наборъ какъ бы искусственно подогнанъ для окончанія предисловія на его оборотѣ (слѣдущаго 65-го листа не имѣется въ обоихъ изданіяхъ); бумага и наборъ 91 и 92 листовъ рѣзко отличаются отъ предъидущихъ и послѣдующихъ; на послѣднихъ двухъ листахъ нѣтъ нумераціи ихъ, которая приписана уже чернилами. Но само собою разумѣется, что было бы слишкомъ смѣло дѣлать какіе либо выводы, основываясь на одномъ экземплярѣ.

отношенію къ исторіи Уложенія всего два года назадъ, въ первомъ томѣ моей „Исторіи права Московскаго государства“.

Не знаю, Мм. Гг., могла ли поселить въ Васъ моя рѣчь хотя небольшой интересъ къ затронутымъ въ ней вопросамъ. Но если мой малый трудъ и высказанныя въ немъ соображенія дадутъ возможность будущему изслѣдователю сдѣлать хотя одинъ шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія важнѣйшаго памятника исторіи отечественнаго законодательства — я буду счастливъ сознаніемъ, что трудъ мой былъ не безплоденъ, не смотря на всю неполноту и недостатки его.